

Босс моего бывшего

Автор:

Лина Манило

Босс моего бывшего

Лина Манило

Накануне свадьбы я узнала, что у моего жениха двойная жизнь и другая женщина. Я не была готова к новым отношениям, но у судьбы свои планы. Босс моего бывшего, хронически женатый властный мужчина, решил всё по-своему. И теперь я беременна от чужого мужа, ставшего в один момент самым близким и родным, но у этой сказки несчастливый финал. Или нет?

Содержит нецензурную брань.

Лина Манило

Босс моего бывшего

Пролог

Полгода назад.

Шумный корпоратив холдинга “Мегастрой” набирает обороты. Приглашённые гости – сотрудники и их вторые половинки – наконец расслабились, отбросили условности и разделились на группки по интересам. До меня доносится смех, обрывки весёлых разговоров, мелькают сплетённые в танце тела.

Я почти никого здесь не знаю, но это не мешает наслаждаться вечером. Еда вкусная, шампанского столько, что можно снабдить алкоголем шумную деревенскую свадьбу, а лица вокруг приятные и радостные.

Устав от одиночества и безделья, поднимаюсь из-за столика. Мне улыбается женщина средних лет с высокой причёской, вылившая на себя, кажется, весь парфюмерный запас. Едва не чихаю и тороплюсь уйти подальше. Так, лавируя между гостей, я выискиваю в нарядной толпе Лёню, своего жениха. Только его нигде нет, и это единственное, что портит моё настроение.

Я так увлекаюсь поисками, что не сразу замечаю мелькнувшую рядом тень. От неё вокруг волнами разносится тяжёлая властная энергетика. Меня придавливает к полу невидимым камнем, и ноги перестают слушаться. Не глупость ли? Встряхиваю головой, пытаюсь отогнать морок. Медленно скашиваю глаза в сторону и замечаю мужскую фигуру в идеально скроенном костюме. Из-под дорогой тёмно-синей ткани рукава выглядывает стальной циферблат часов на кожаном ремешке. В холёных длинных пальцах с крупными костяшками зажата тонкая ножка бокала, кажущаяся ивовым прутиком – того и гляди, мужчина сожмёт чуть крепче, и хрусталь осыплется на пол мелкой крошкой.

– Варвара, шампанского не желаете? – колючий голос звучит слишком близко. Мужчина говорит тихо, но его слова заглушают все звуки царящего в ресторане веселья.

Именно так разговаривают люди, привыкшие к власти, умеющие с ней обращаться. Способные удержать в кулаке весь мир и соседние галактики. Поднимаю голову и встречаюсь с чёрными глазами в окружении тёмных густых ресниц. Загорелое лицо непроницаемо, лишь во взгляде замечаю лёгкое любопытство.

Дмитрий Николаевич Поклонский собственной персоной. Человек, которого нужно уважать и, вероятно, бояться. Бизнесмен, мужчина с тёмным прошлым, отмытой дочиста репутацией и самый главный босс холдинга “Мегастрой”.

Мы встречались несколько раз до этого праздника, мельком. Однажды Лёня взял меня на праздник, также устроенный холдингом в элитном загородном клубе. Целые выходные в окружении вековых сосен. Поклонский приехал минут на пятнадцать, как всегда, безупречно одетый, в окружении охраны. Улыбнулся

тому, что-то спросил у этого... Лёня тогда жутко расстроился, что шеф так скоро уехал, и с ним не получилось навести мосты за бокалом глинтвейна.

А как-то раз мы встретились в супермаркете, где Дмитрий Николаевич, как простой смертный, покупал йогурт. Обмен кивками головы, скупыми улыбками и вот Поклонский растаял в толпе, растворился в воздухе. Но ни разу до этого мы не оказывались в такой близости. Это... настораживает и выбивает из колеи. К чему эти предложения о совместном распитии спиртных напитков?

Дмитрий Николаевич рассматривает меня, не скрываясь. Его взгляд ползёт по лицу, спускается к шее, но ниже не идёт – возвращается к подбородку и замирает на губах. Становится неловко, словно догола раздета, хотя платье для этого вечера выбрала довольно скромное. Странное ощущение, и чтобы развеять его, отступаю на полшага назад, выстраиваю дистанцию между нами. Так безопаснее.

Из глубокой задумчивости выводит улыбка Поклонского: ленивая, обнажающая белоснежные крепкие зубы. Он ждёт моего решения, держа бокал в руке, и это выглядит как чистой воды провокация. Что мне делать? Сбежать как от чумного? Или продолжить милую светскую беседу? Выбираю самый безопасный вариант:

– Спасибо за предложение, не откажусь, – улыбаюсь и забираю бокал. Лишь на мгновение наши пальцы соприкасаются, и я ощущаю лёд его кожи, хотя в зале ресторана очень тепло, даже душно.

– Мне показалось, что вам это нужно, – кивком головы указывает на бокал. – Нам всем не помешает немного расслабиться.

– Думаете? Мне напротив показалось, что вы здесь, как рыба в воде. Вас любят сотрудники, смотрят с обожанием, в рот заглядывают...

– Вы наблюдательны. Но я достаточно плачу за их обожание. Полагаете, они бы прыгали так вокруг, будь их зарплата меньше, а перспективы жиже? – смотрит на меня пытливо и требовательно, а на губах усталая улыбка. Только сейчас замечаю залегшие под его глазами тени. Сколько же он работает? А спит хотя бы?

Мысленно одёргиваю себя. Мне нет дела до сна Поклонского. Пусть хоть вовсе всегда бодрствует, меня это не волнует.

– В нашем мире победившего капитализма иначе никак. Все друг другу платят за любовь, – делаю крошечный глоток, и пузырьки щекают язык.

Вкусно, но злоупотреблять не стоит, иначе опозорюсь и Лёню опозорю. Кстати, где он? Почему так долго нет?

– Не ищите его, – в колючем голосе слышится усмешка.

Моя тщательно уложенная бровь ползёт вверх от удивления, а в горле застревает шампанское. Этот практически незнакомый мужчина легко угадал мои мысли. Впрочем, человеку его уровня и статуса положено разбираться в оттенках эмоций и мимике своих собеседников, даже случайных. Помогает сохранить миллионы и, может быть, жизнь.

Я мало что знаю о Поклонском, кроме того, что ему почти сорок, он владеет крупным бизнесом, имеет круглую сумму на счету, а ещё безнадежно женат, что до слёз расстраивает женщин из высшего общества и охотниц за богатыми мужиками. Хорошо, что я в этой очереди не стою, мне нет дела до семейного положения главы «Мегастроля». Даже если у него, кроме жены, вакантно место любовницы, меня это не касается. У меня есть Лёня, с которым мы вместе четыре с половиной года, и если камни с неба не упадут, летом мы поженимся. И даже Апокалипсис, скорее всего, наших планов не изменит.

– Всё-таки ищите Леонида, – уже откровенно усмехается Дмитрий Николаевич и отпивает из своего стакана, в котором, судя по цвету, виски. Выступающий под кожей крупный кадык “прыгает” вверх и “падает” вниз.

– Вам, похоже, о нём известно больше, чем мне.

– Знать всё о своих сотрудниках в моих же интересах, – улыбается расслабленно. – Леонид с финдиректором важный проект обсуждает. Наверное, ещё час будет занят. Не переживайте, тут вас никто без него не тронет.

А сам ещё один шагок в мою сторону делает, от чего вся напрягаюсь и утыкаюсь носом в бокал с шампанским, вдыхаю острый запах, позволяю пузырьками углекислоты щекотать ноздри.

– Работа не прекращается ни на секунду? – веду плечами, мол, я всё понимаю и не возражаю. – Тяжело на вас, Дмитрий Николаевич, работать. Не позволяете сотрудникам ни на минуту расслабиться.

– Большой бизнес требует предельной концентрации сил и максимального упорства, – Дмитрий Николаевич смотрит на часы, а меня слепит белизна его манжеты. – Но это была инициатива Леонида, я не заставлял бросать невесту и нырять в документы с головой.

– Мне не нравится, как звучит фраза “бросать невесту”, – смеюсь. – Но так-то вы правы. Лёня хронический трудоголик, потому я не удивлена.

– Леонид амбициозный молодой человек, на всё ради карьеры готов, – Поклонский пристально смотрит мне в глаза, пристально. Будто намекает на что-то. – Потому ничего удивительного, что даже здесь, среди шумной толпы, он не забывает о своих прямых обязанностях.

Лёня в самом деле такой. Даже собираясь на этот корпоратив по случаю очередной годовщины основания холдинга, он все уши мне прожужжал, какая это будет отличная возможность в неформальной обстановке обсудить работу.

“Варя, если я вдруг исчезну на некоторое время, не бери в голову и отдыхай на полную катушку. Я, значит, всего лишь закопался в дела с головой”, – вихрем проносятся в голове недавние слова Леонида.

– Варвара, как вам вечеринка? Нравится? – Поклонский переводит тему и широким жестом обводит зал. Корпоратив проводится в самом помпезном ресторанном комплексе города, и каждый здесь может найти занятие: бильярд, тир, сауна, сад ледяных фигур и ещё чёрт знает что – развлечения на любой вкус.

– Тут прекрасно, – искренне восхищаюсь и широко улыбаюсь, впрочем, не забывая, кто передо мной. Не хотелось бы в глазах Поклонского выглядеть восторженной дурочкой. – Спасибо вам за этот праздник, у вас прекрасный вкус.

– Думаете, мой вкус имеет к выбору места хоть какое-то отношение? Уверены, что не секретари занимались организацией? – он будто бы провоцирует меня, выводя на тонкий лёд, но я не собираюсь краснеть и смущаться.

– Я немного в курсе, что без вашего одобрения в холдинге муха не проскочит. Потому да, я уверена, что этот ресторан выбрали не без вашего участия.

Свет отражается в его глазах, делая их ярче, живее. Во взгляде появляется какая-то новая эмоция, делающая Поклонского почти беззащитным. Что это? Но Дмитрий Николаевич так быстро берёт себя в руки, снова надевая на лицо маску безразличия, что не удивлюсь, если мне показалось.

– Вы правы, Варвара, я действительно всё контролирую. Но не потому, что тиран и деспот, а потому что соблюдаю одно железное правило: если хочешь сделать что-то хорошо...

– ...сделай это сам, – заканчиваем стройным дуэтом, и Поклонский усмехается, кивая. – Отличная поговорка, мне нравится.

– Мне тоже... нравится, – и почему в его словах мне чудится двойной смысл? – А ещё мне в радость устраивать подобные мероприятия для своих сотрудников и их семей.

Он произносит это без тени иронии или бахвальства. Словно действительно рад, когда вокруг много счастливых и довольных людей, купается в этом. Только почему-то на этом празднике жизни сам он выглядит одиноким. И, кстати, к слову о семьях. Почему он без супруги? Вон, все кто мог, с парами пришли, а этот... женатый ведь, все об этом знают.

Хотя какая мне разница? Без жены и ладно. Может, она не любит шумные вечеринки или заболела.

Поклонский слегка ослабляет узел галстука, и я замечаю, как на шее бьётся жилка. Он нервничает? Его что-то беспокоит? Станный мужчина и разговор этот странный. Поклонскому что-то от меня нужно или во мне взбунтовала паранойя? И где Лёня так долго ходит?

Ещё несколько минут беседуем о ничего не значащих мелочах. Я смеюсь какой-то шутке, брошенной легко и непринуждённо, а сама никак не могу найти предлог смотать удочки и вернуться за столик. А может быть, мне тоже одиноко на этом торжестве? Не знаю.

Наверное, я чем-то выдаю эти мысли, потому что Поклонский вдруг предлагает:

– Варвара, не желаете сбежать от этих скучных людей? Здесь, при ресторане, чудесный зимний сад. Вам понравится, уверен.

От неожиданности вопроса и абсурдности предложения давлюсь шампанским. Кашляю в ладонь, радуюсь этой передышке. Он в своём уме? Какие прогулки по зимним садам наедине?

Да-да, помню, о чём любит повторять Лёня: Поклонскому не отказывают. Ни в чём и никогда. Вот только дело в том, что мне Дмитрий Николаевич не начальник, денег мне не платит. Понять не могу, для чего мне нужно угождать его прихотям. Цирк какой-то.

Отдышавшись, спрашиваю:

– Почему именно со мной?

– Возможно потому, что вы здесь одна из немногих, кто не воспримет это приглашение как инструкцию к действию и не попытается накинуть мне на шею хомут. Или вы мне просто понравились. Очень. Кто знает?

В своих словах он убийственно серьёзен, а на губах ни тени улыбки.

– Странно слышать о наброшенных хомутах от женатого человека, – взбалтываю остатки шампанского на дне бокала, наблюдая за улетающими пузырьками.

– Печать в паспорте ещё никого не останавливала, – он позволяет себе улыбнуться, но как-то устало, что ли. – Ни от чего и никогда.

Я ставлю полупустой бокал на поднос пробегающего мимо официанта, Поклонский повторяет за мной, жестом отсылая услужливого вышколенного

парня, а тот торопится скрыться в толпе. Энергетика Дмитрия Николаевича давит, вытесняет, сравнивая по тяжести с огромным валуном. И повезло же именно мне, что он решил подойти. Просто радость какая-то.

Так, надо заканчивать это представление, пока всё не зашло слишком далеко.

Улыбаюсь как можно приветливее. Мне бы не хотелось никого обижать, но гулять мне тоже не хочется. Так что...

– Прошу меня извинить, Дмитрий Николаевич, но я что-то утомилась. А ещё у меня аллергия на пыльцу, потому зимний сад – развлечение не для меня. Думаю, в этом зале достаточно тех, кто будет счастлив познакомиться с диковинными растениями в вашей компании.

– Кто я такой, чтобы спорить с аллергией? – по лёгкой улыбке на губах ясно, что он видит меня насквозь.

Но сдаваться Поклонский не намерен. Слегка склонив набок голову, всё так же едва заметно улыбаясь, он протягивает руку, приглашая за собой. Именно в этот момент музыка играет медленнее, мелодия из ритмичной превращается в плавную и тягучую, а свет будто бы меркнет.

– Надеюсь, против танцев вы ничего не имеете? Если уж прогулки в оранжерее вам не по вкусу.

На круглой площадке уже кружатся пары, кто-то случайно толкает меня в спину и я, пошатнувшись, лечу вперёд – прямо в объятия Поклонского.

– Ой, Дмитрий Николаевич, простите, – лепечет испуганная девчонка, и её круглое веснушчатое лицо покрывается густым румянцем.

Вообще-то она меня чуть не пришибла, но даже не смотрит в мою сторону, только на Поклонского огромными испуганными глазами таращится. Неужели боится, что Поклонский расстреляет её на месте без суда и следствия?

– Я вовсе не сержусь, – говорю, пытаюсь выпутаться из железной хватки Поклонского. – Да пустите же, – добавляю шёпотом.

- Только если подарите мне танец. Всего один. На танцы у вас нет аллергии?

- Ох, ваша взяла, - закатываю глаза, и Дмитрий тут же размыкает объятия, позволяя мне восстановить равновесие.

Неуклюжую девчонку сдуло ветром, и я рада, что сейчас у нас на одного свидетеля меньше.

Протягиваю руку, наши пальцы переплетаются. Поклонский мягко ведёт за собой, и через несколько мгновений и три сердечных удара широкая ладонь накрывает мою талию. Между нами пионерская дистанция - никаких глупостей или поводов для сплетен, но мне почему-то становится дико жарко.

- Расслабьтесь, я не кусаю красивых женщин. Во всяком случае, не при всех и не на первом свидании, - просит шелестящим шёпотом.

- А так сразу и не скажешь, что вы юморист, - качаю головой, а Поклонский тихо смеётся.

Выдохнув, позволяю ему вести в танце, отдаюсь моменту.

- Вы боитесь меня? - спрашивает, согревая щёку дыханием. - Зря.

Его голос шуршит над ухом, словно галька по пляжу перекатывается.

- А должна?

- Скажем так: меня не удивляет чужой страх. Я привык к нему, как к удобному костюму. Но ваш страх мне не хочется чувствовать.

- Почему?

- Он невкусный.

И снова эта сокрушительная серьёзность, от которой мурашки по коже. Только блеск в глазах выдаёт живые эмоции, бурлящие внутри, надёжно скрытые от

посторонних.

– Наверное, чтобы построить такого уровня бизнес пришлось не одну голову откусить?

– Не только голову и не только откусить. Есть много затейливых способов избавления от конкурентов, – усмехается и вдруг наклоняет меня, внезапный и стремительный. Я едва не взвизгиваю, зависая в воздухе, и только рука Дмитрия не даёт мне упасть. Губу закусываю, а Поклонский, кажется, упивается произведённым эффектом.

Кружит меня, не сокращая дистанцию, держится на вежливом расстоянии, но прикосновения его прохладных ладоней даже сквозь ткань платья до неприличия интимны. За четыре с половиной года я не позволила ни одному мужчине, кроме Леонида, дотронуться до себя, но тут же просто танец, а всё равно неловко. Будто изменяю Лёне на глазах его сотрудников. С его же начальником!

Музыка стихает, голоса становятся громче, а я медленно моргаю, возвращаюсь в реальность. Поклонский улыбается, в глазах восхищение, от которого чувствую себя самой красивой во всём мире. Красивой и... желанной. Господи, надо бежать!

– Спасибо, – Дмитрий Николаевич целует мою руку, задерживаясь губами на коже чуть дольше, чем следует. Поднимает взгляд, а тёмные глаза кажутся почти чёрными. В них ирония и ничем не прикрытый мужской интерес. Когда готова вырвать руку, Поклонский сам отстраняется, отступая на шаг. – Приятного вечера.

И, развернувшись на каблуках, уходит прочь, рассекая толпу своих же подчинённых, а они расступаются, расступаются, словно мимо божество идёт.

Хмыкнув, я возвращаюсь за столик и наконец выдыхаю скопившееся внутри напряжение. Следующие минут пятнадцать уныло ковыряю вилкой остатки мудрёного салата, в котором с десятков ингредиентов, не все из них у меня получилось угадать. Но вкусно, ничего не скажешь.

Невыносимо сидеть тут одной, а Лёня, как на грех, всё никак не закончит биться в припадке трудоголизма. Всё хорошо, но этот бешеный темп его когда-нибудь доконает. И меня заодно.

Неужели хотя бы сегодня он не мог отбросить все дела в сторону и просто отдохнуть? За время, что мы провели вместе, по пальцам могу сосчитать вечера, когда ему не звонили по работе, и Лёня не просил немного подождать, чтобы разрулить очередной производственный завал.

– Варвара? – рядом со столиком вырастает официант в безупречно отглаженной форме и кладёт передо мной белоснежный конверт. – Вам просили передать.

– А кто?..

– Не велено говорить, – напоследок одаривает меня тщательно выверенной дежурной улыбкой и исчезает так же бесшумно, как и появился.

На конверте ни имени отправителя, ни адреса, только внутри что-то плотное, похожее на картон. Ошарашенно осматриваю зал, пытаюсь угадать, от кого бы мне могло прийти послание, но все заняты развлечениями, а до меня дела нет. Это шутка какая-то?

Оказывается, любопытства во мне больше, чем осторожности, потому я вскрываю конверт, смотрю внутрь на картонный прямоугольник. Визитка.

“Поклонский Дмитрий Николаевич”. И номер телефона. Зачем он мне это передал? Что хочет от меня?

Нахмурившись, я переворачиваю визитку, а на обратной стороне надпись размашистым почерком: “Это мой личный номер. Мне хочется, чтобы вы мне позвонили. Просто так. Можно даже ночью. Д.”

Он вменяемый? Это флирт? Предложение? Ему заняться больше нечем? Пусть к жене едет, под тёплый бочок, она у него красивая, я видела её пару раз в интернете. Зачем меня трогает? Адреналин взбурлил и вспенился? Азарт охотника?

Я собираюсь выбросить бесполезную картонку, но не успеваю – за столик возвращается довольный и счастливый Лёня. Машинально запихиваю смятый конверт и визитку в сумочку. Не хватало, чтобы Леонид узнал, что позволяет себе его начальник.

А что он себе позволяет? Кажется, я слишком долго в отношениях и напрочь забыла каково это – принимать ухаживания и лёгкий флирт, ни о чём не волнуясь.

Лёня возбужден и счастлив, он притягивает меня к себе, целует в висок, втягивает носом мой аромат. В его объятиях тепло и надёжно, он ласковый и нежный. Он любит меня и в нём нет двойного дна и загадочности.

За соседний столик присаживается красивая женщина лет тридцати с огненно-рыжими волосами и, мазнув по мне внимательным и ревнивым взглядом, тянется за бокалом. Шикарная такая... только почему смотрит на меня так, будто я у неё украдала что-то? Что-то, что целиком и полностью принадлежит ей одной.

– Ещё чуть-чуть и я заполучу тот самый проект. Варька, заживём тогда! На всю катушку заживём! – Лёня снова целует меня, будто пьяный, и я заряжаюсь его позитивом, забыв о Поклонском и его фокусах. – Какая ты у меня всё-таки классная. Простишь, засранца, что бросил тебя? Всё так закрутилось, я случайно финдира поймал, не мог прошляпить такой шанс. Ты же меня понимаешь?

– Иногда вообще не понимаю. Но на этот раз прощу. Только, Лёнь, пожалуйста, больше никогда вот так не исчезай, это меня обижает. Просто предупреждай, хорошо? Это же не сложно, да?

Лёня выглядит искренне виноватым. Опускает взгляд, сжимает мою руку, переплетает пальцы и крепко держит, словно боится, что куда-то исчезну.

– Ты у меня чудо, Варя, я так люблю тебя, так люблю... невыносимо сильно, – бормочет торопливо, поднимая взгляд, а в нём и правда, много любви и нежности. И вся она только для меня. – Это же всё ради тебя, ты знаешь? Ради нашего будущего. Я всё ради него сделаю, на всё пойду. Лишь бы ты была счастлива, чтобы была за каменной стеной. Всю жизнь за моей спиной, как в крепости.

От его слов щиплет в носу. Ну как я могу обижаться? Это же Лёня – мужчина, во всём для меня первый. Самый лучший и любимый.

Волнами накатывает нежность, от любви рвётся на части сердце, и я теснее жмусь к Лёне, прячусь на его широкой груди, вдыхаю родной аромат, и никого вокруг не существует.

– Я люблю тебя, – шепчет. – И никогда не оставлю. Что бы ни случилось. Ты только верь мне, хорошо? И никого не слушай.

И я, как последняя влюблённая дурочка, верю. Потому что кажется: так врать нельзя, это подло и низко. Невозможно быть настолько жестоким, но мужчины умеют удивлять. И скоро мне выпадет шанс в этом убедиться.

Глава 1 Дмитрий

«Я скучаю по тебе», – набираю в десятый раз сообщение и снова стираю.

Это чужая женщина, Дима. Нельзя ей писать сообщения, и к подъезду её приезжать нельзя, как и выбирать подарки выбирать. Она через несколько дней замуж выходит, она счастлива. А у тебя... у тебя жена есть, если ты не забыл.

Вот уже полгода я ломаю себе мозг, выедаю его чайной ложкой, убеждаю самого себя, что Варвара – не для меня. Не нужно мне в это влезать, её втягивать ни во что не надо. Но ничего не могу с собой поделать – каждый день просыпаюсь с мыслями о ней, засыпаю. А ночами сны вижу... неприличные и горячие, от них всё во мне дымится, спать на животе невозможно.

Чёрт знает что творится. Наваждение, иначе это не назову. Околдовала меня Варя, что ли? Может, магия – не бредни, а самая настоящая реальность? Иначе как объяснить моё на ней помешательство?

Я даже похудел. Как прыщавый подросток, отощал, мечтая о самой красивой девочке. Ну не смешно, ли? Пришлось с десятков новых костюмов купить, чтобы прежние мешком на мне не болтались.

Чёрт, я даже к врачам ходил! Хотел выяснить, может, заболел чем. Может быть, психосоматика или вообще что-то страшное, если у меня в голове такая революция? Анализы все сдал, у психоаналитика на диване пару раз полежал, но оказался здоровее прочих.

В столе лежит красивый конверт. Приглашение. На их с Леонидом, мать её, свадьбу. «Дмитрий Николаевич, будем счастливы видеть вас в числе гостей». Дата, подпись будущих молодожёнов.

Как плевков в рожу, издевательство.

Ни на какую свадьбу я не пойду.

Как только мне Леонид вручил конверт, так чуть в морду ему не бросил. Психанул знатно, но сдержался и не размазал самодовольного щенка по стенке.

Не нравится он мне. Может, ревность? Но что-то в нём настораживает и не даёт доверить наконец солидные проекты, к которым Леонид так стремится. Финдир за него горой, всячески рекомендует, а я... козёл я, вероятно. Личное впереди важного ставлю.

Отбрасываю в сторону телефон, на который она так ни разу и не позвонила. Ни на одно сообщение моё не ответила, все мои подарки обратно отправляла. Упёртая.

Кремень, а не баба, но это... восхищает. Такая верность суслику Леониду возбуждает меня ещё сильнее, не даёт Варвару из головы выкинуть, мешает отступить. И умом ведь понимаю, что поступаю, как последний подонок, влезая в её жизнь, но ничего не могу с собой поделать. Тянет.

В офисе стихают последние разговоры – даже самые отбитые трудоголики расходятся по домам. Вскоре по коридору проходит дежурный охранник, а я закрываю глаза и откидываюсь на спинку кресла. Галстук душит, я сбрасываю его, разминаю затекшие от многочасового рабочего дня мышцы, скидываю пиджак. Сейчас, когда кабинеты опустели, я могу позволить себе превратиться из Биг босса в замотанного в край сорокалетнего мужика, у которого, куда ни плюнь, кругом проблемы.

Сколько сижу? Не знаю. Выкидываю все мысли из головы, но они упорно роятся, а перед глазами упёртая Варвара. Она сводит к переносице брови, смотрит на меня хмуро, кивает каким-то своим мыслям. Мне обнять её хочется, прижать к себе и... много чего с ней сделать хочется, только ничего из этого нельзя.

Нельзя!

Злясь на себя, из-за стола встаю. Домой идти не хочется – никуда не хочется. Напиться бы, но в кого я тогда превращусь, если проблемы начну алкоголем глушить? Нет уж, пусть мои враги спиваются.

Куда иду? Сам не знаю. Во мне много злости и досады на самого себя, напряжения. Нужно двигаться, иначе взорвусь.

Вниз по лестнице, минуя душные кабины лифтов, я спускаюсь в просторный холл, где кроме меня только клюющий носом охранник.

– Ой, Дмитрий Николаевич, я только на смену заступил! Мне не доложили, что вы ещё в офисе, – он принимается шуршать листами тетради, пялится в экран монитора, изображая бурную деятельность, а я взмахиваю рукой.

– Прекратите суетиться. Считайте меня призраком, нет меня, ушёл я.

В кармане лишь пачка сигарет – даже ключи от машины в пиджаке остались. Я выхожу на улицу, подставляю лицо свежему ветру, он треплет волосы, а и пусть. Не всегда же мне быть прилизанным, идеально одетым и причёсанным. Иногда можно побыть настоящим, живым.

На часах почти одиннадцать, мимо офисного центра мелькают редкие прохожие, торопясь спрятаться в безопасности своих домов. Я люблю наблюдать за людьми, но сейчас мне хочется только курить и считать звёзды на небе.

Затягиваюсь, горечь дыма щекочет кончик языка, оставляет неприятный привкус во рту. По асфальту дробно стучат каблучки, я оборачиваюсь. Головой встряхиваю, отгоняя мираж, но он не рассеивается.

Варвара.

Что она тут делает так поздно? Зачем пришла?

«Точно не к тебе, Дима, как бы тебе этого ни хотелось», – мелькает в голове злая мысль.

Варя не видит меня – она смотрит на здание офисного центра, а я... люблюсь ею, забыв обо всём. Ну что за проклятие на мою голову, девочка эта? Зачем ты такая красивая, манящая, недоступная?

Я бы наверняка остыл к ней, ответь она хоть на одно моё сообщение. Если бы она приняла мои ухаживания, на ужин сходила за спиной своего жениха, я бы поставил её в ряд всех остальных, на многое согласных, и забыл на утро. Но она не такая. Повезло суслику, пусть бережёт её.

Истлевшая сигарета обжигает пальцы, я выбрасываю её в урну, тихо ругаясь, но тут Варя оборачивается. Столбенею, увидев её лицо. Она...

– Ты плачешь? – всё, на что меня хватает, а Варя, испугавшись, размашисто вытирает слёзы, дрожа, как лист на ветру. Ей стыдно, глаза отводит, шаг назад делает, порываясь сбежать.

– Дура я, какая же я дура, – бормочет, но я слышу её.

– Что с тобой? – хриплый голос не мне принадлежит, а кому-то другому, я сам его не узнаю. Делаю к ней шаг, но Варя мотает головой, рукой от меня отгораживается, а слёзы текут по лицу.

Она пытается меня остановить, но разве ей под силу? Я не знаю, почему она плачет, но очень хочу выяснить. И тут уж она так просто от меня не отделается.

Глава 2 Варвара

Несколькими часами ранее.

Говорят, жизнь может рухнуть за один день. Да что там! Моя рухнула за несколько минут.

В один момент я, счастливая и окрылённая, готовлюсь к свадьбе, обсуждаю с распорядителем последние детали. Ничего вокруг не замечаю, до того во мне эйфории много. Внутри, в районе сердца, огромный радужный шар, наполненный счастьем, предвкушением и любовью. Кажется, горы могу свернуть и весь мир пешком обойти, ни разу не споткнувшись.

А после в мессенджер падает сообщение от неизвестного абонента.

Оно приходит в тот момент, когда я увлеченно листаю яркий каталог, выбираю дурацкие цветочки, которыми нужно украсить накидки на стулья. Это последние штрихи для идеального торжества.

Орхидеи или лилии? Хризантемы или белоснежные тюльпаны? А может, гладиолусы? Ничего, кроме этого, меня сейчас не волнует и замороженная красотой фотографий, я даже на экран не смотрю. Просто смахиваю уведомление в сторону, как надоедливую муху, и телефон замолкает, но только на несколько секунд. Следом приходит ещё несколько оповещений о непрочитанных сообщениях – кто-то очень настойчивый требует моего внимания. Тяжело вздохнув, я прошу прощения у организатора свадьбы, она в ответ мило улыбается и поднимается из-за стола, деликатная в своём нежелании влезать в личное пространство своих клиентов.

Я открываю список сообщений. Все прочитанные, кроме тех, что шлют мне с незнакомого номера. Кто это? И что этому человеку нужно? Может быть, кто-то из знакомых сменил номер?

Беспокойное сердце опережает мозг. Центральная нервная система сбоит, посылает разряды и импульсы. Тело покрывается липким потом. Мне жарко и холодно одновременно, а ещё тошнит, и пить хочется. Буквы плывут перед глазами, и мне стоит немалых усилий сфокусировать зрение и навести резкость.

Но лучше бы я ослепла. Честное слово, это было бы лучше.

"Ваш жених Леонид Баринов сейчас в гостинице "Великобритания" с другой женщиной. Номер двести восемнадцать. Приезжайте, полюбуйтесь, если не

верите".

Как в пошлом анекдоте, в героиню которого я мгновенно превратилась.

И подпись, как положено в таких случаях, "Доброжелатель". Красивое слово, которое не имеет ничего общего с реальностью. Никто не желает мне добра, не хочет уберечь. Лишь разрушить устоявшийся мир, в котором я была счастлива.

Наверное, чтобы я не подумала о розыгрыше, к сообщению прикреплено несколько фотографий и видео, чтобы добить меня окончательно, не дать проигнорировать факт, что мой жених – блудливая сволочь.

Мне бы зажмуриться, выбросить телефон, удалить чёртовы снимки! Решительно и жёстко. Я не должна на них смотреть – я же умираю, натурально задыхаюсь, на них глядя. Но я не могу. Как мазохист, причиняю себе боль, а веки огнем пекут.

В груди дыра огромная. Она растёт с каждым вдохом, с каждой деталью, что с маниакальным упорством выхватываю на фотках. Видео игнорирую – во мне ещё остались на это силы и благоразумие. Знаю: если увижу хотя бы несколько кадров, станет только хуже.

Все фотографии сделаны в разное время года, в разных локациях. На них мой – мой! – Лёня то в пальто, то в шапке зимней, а то и вовсе в футболке и летних брюках. Вот он гуляет под цветущими деревьями, вот стоит у бара, и яркие вывески отбрасывают разноцветные блики на его волосы. Они у него красивые: тёмно-каштановые с вкраплением красного и очень мягкие. Мне так нравилось перебирать пальцами волнистые пряди и следить за изменением цвета. В такие моменты Лёня казался самым счастливым, довольным, точно кот перед миской сметаны. Ластился, мурлыкал, улыбался сладко...

На третьем снимке Лёня поднимается по ступенькам той самой гостиницы. "Великобритания", чтоб тебя. Боже, храни королеву.

На каждой фотографии мой жених обнимает за талию рыжую женщину, целует её и выглядит таким довольным, счастливым... господи, он же счастлив с ней! А зачем тогда я? Зачем всё это? Наши отношения, любовь, в которой он мне клялся, наши планы и мечты... Чего ему не хватало?

Рыжая... мне она знакомой кажется. Где-то уже видела эту красивую женщину с огненной копной волос. Так, стоп. Это же та, с корпоратива! Она за соседним столиком сидела и взглядом меня прожигала. Да ну нет, может быть, я ошиблась? Но в памяти всё чётче всплывает её образ, и сомнений всё меньше.

Я так глубоко нырнула в болото мрачных мыслей, что не сразу замечаю Нину, распорядительницу свадьбы. Она мягко кружит вокруг, едва слышно вздыхая, и наконец трогает моё плечо.

Её прикосновение выводит из оцепенения. Вздрагиваю, пытаюсь улыбнуться, но получается что-то очень жалкое. Мне противно показать свою слабость, но сейчас я разбита и уничтожена, у меня плохо выходит притворяться, изображая из себя сильную и уверенную.

Красивой Нине слегка за тридцать. У неё потрясающие тёмные волосы и ямочки на щеках. Глядя на меня, хмурит тёмные брови, а лежащая на моём плече изящная ладонь тяжелеет. От Нины пахнет корицей, шоколадом и чем-то восточным. Так же пахло в лавке со сладостями на Самаркандском базаре, куда мы с Лёней ездили прошлой осенью.

Господи, кажется, я сейчас умру. По любому поводу в памяти всплывают обрывки нашего общего прошлого. Интересно, это лечится?

Нина склоняется ниже, вглядывается с тревогой в моё лицо, а я продолжаю улыбаться, от чего сводит скулы и щиплет слезами уголки глаз.

– Варвара, вам плохо? – Нина переводит многозначительный взгляд на мои руки, а я только сейчас понимаю, что сминаю в кулаке листы красивого каталога.

Бесподобные цветы теперь кажутся уродливыми, от их белизны и невинности тошнит. Они выглядят настоящей насмешкой над всеми мечтами и планами.

– Простите, – спохватываюсь и пытаюсь разгладить листы, суечусь, царапаю руки об острые края бумаги. – Я... я не специально, я возьму. Сколько каталог стоит? Я заплачу!

Я действительно пытаюсь вытащить из сумки кошелек, но Нина накрывает мои дрожащие ладони своими и грустно качает головой.

– У меня таких ещё целая стопка, не переживайте, – мягко улыбается и, обернувшись, кричит в сторону двери в соседнюю комнату: – Аннушка, принеси воды! Человеку плохо!

– Нет-нет, не надо воды, – бормочу, а глаза никак не отлипнут от паршивых фотографий. – Мне хорошо, правда.

Но кого я обманываю?

Торопливые шаги на периферии слуха, я вздрагиваю, будто мне в висок планомерно гвоздь забивают. Больно. В каждой клетке тела, в каждом вдохе пожар. Эмоции ураганом проносятся, вместо крови в жилах – кислота.

– Варвара, возьмите, попейте! – Нина встряхивает меня легонько, в чувства приводит, а заботливая Аннушка, её помощница, протягивает мне стакан. – А телефон отдайте. Не знаю, что вам прислали, но отдайте. Это плохие новости.

– У вас есть антисептик? – слова приходится с усилием выталкивать из опухшего горла.

Аннушка ошарашенно головой качает, а Нина взмахивает рукой, пресекая возможные вопросы.

– Да-да, конечно же! У кого нынче нет антисептика? Важнейшая вещь в наше вирусное время, – шутит Нина, но улыбка на губах неловкая.

В маленьком помещении невыносимо душно. Аннушка, будто прочитав мои мысли, бежит к окошку и распахивает его настежь, впуская раскалённый июльский воздух. Он развеивает её светлые кудри, делая её похожей на фею из сказки.

Моя свадьба должна была состояться первого августа. В эту субботу! Всё оплачено, почти всё готово. Осталось только сходить на последнюю примерку, устроить девичник...

Пять, мать его, лет я потратила на мужика, который самозабвенно пихал свои причиндалы в кого ни попадя. В какую-то рыжую, пусть и очень красивую. Улыбался ей, позволял ерошить свои волосы, устраивал романтические прогулки в цветущем саду. Господи, ненавижу рыжих.

- Вот, пожалуйста, - Нина ставит передо мной большую бутылку с антисептиком.

Я тянусь к ней, но, как пьяная, промахиваюсь и только с третьей попытки беру в руки. Откручиваю крышку, она летит на пол, вслед за каталогом. Щедро поливаю ладони, протираю пальцы, размазываю жидкость до локтей. Мне нужно избавиться от ощущения, что держала что-то заразное. Смердящее предательством.

Девочки из агентства шепчутся в углу, поглядывая на меня, а мне так неудобно. Я отняла у них несколько месяцев жизни! Лёня же сам хотел красивую свадьбу, убеждал, что это событие у нас обоих - раз и навсегда. Да что ж думаю о нём? Почему нельзя точно так же стереть из памяти этого козла, как бактерии с рук?

Снова лью на руку антисептик - прошлой дозы мне показалось мало. Нина пытается меня успокоить, Аннушка охает, но я уже в норме. Мне нужно скорее убраться отсюда, выбраться на воздух и там уже придумать, как быть.

Как сказать этим хорошим девушкам, что свадьбы не будет? Как избавиться от зудящей внутри потребности рвануть в "Великобританию" и своими глазами увидеть Лёню в объятиях этой рыжей? Как устоять?

Сжимаю виски, но пульсирующая боль продолжает рвать голову на части. Душно. Мне нужно на воздух, и я, неловко опираясь на руку, поднимаюсь со стула.

- Простите, я... свадьбы не будет. Это окончательное решение.

Всё, я сказала это вслух, я смогла. Всё, обратного пути нет.

- Чего только не случается, - мудро замечает Нина и тепло улыбается.

- Нина, Аннушка, спасибо вам. От всей души.

Нина берёт мои руки в свои, смотрит на меня без унижительного сочувствия. Её пальцы тёплые, ладони мягкие, а объятия пахнут пряностями.

– Берегите себя, Варвара. И да, мы вас всё равно ждём. Приезжайте хотя бы просто чаю попить, мы уже к вам привыкли.

Аннушка активно кивает, щедро одаривая меня улыбкой. Такая хорошая, все они хорошие.

Я уже почти в норме, потому улыбаюсь, обещаю позвонить завтра и выхожу из агентства с высоко поднятой головой.

А оказавшись на улице, сдуваюсь. Растерянно смотрю по сторонам и не могу придумать, куда мне податься. Домой, где всё напоминает о Лёне, нашем счастье? Где каждый уголок пропитан им, каждая мелочь способна раздавить ворохом воспоминаний? Нет, туда мне тоже нельзя. Хотя бы в ближайшее время.

Может быть, на работу? Отменить долгожданный отпуск, зарыться в отчёты и, не поднимая головы, так провести несколько дней подряд? Или уехать к родителям и долго-долго рыдать на плече у сестры? Не знаю.

Ноги несут меня куда-то, но я не разбираю дороги. Просто иду, глядя на асфальт, сворачиваю на шумные проспекты, минуя тихие улочки. Наверное, несколько часов сижу в чужом дворе, качаюсь на качелях, а хмурый мальчик смотрит на меня искоса, ковыряя лопаткой песок. Кажется, ему тоже хочется прокатиться, но странная тётя не даёт. Вскоре мальчика забирает домой красивая женщина, он напоследок показывает мне язык и обзывает козой.

Сумерки окрашивают небо в серый, а после в тёмно-голубой. Я не знаю ни который сейчас час, ни что мне делать дальше. Может, остаться в этом дворике и стать местной достопримечательностью? Скрасить будни жителей своим придурковатым видом? Меня запишут в ряды городских сумасшедших, сложат обо мне парочку легенд, да и привыкнут.

Наверное, завтра я буду в порядке. Вероятно, даже научусь снова улыбаться, вот только как пережить эту ночь ума не приложу.

Я впадаю в какой-то транс и дико пугаюсь, когда оживает лежащий в сумке мобильный. Лёня. Первым приходит желание сбросить звонок, но я, наверное, держусь за призрачную мысль, что всё это – чудовищный розыгрыш, чья-то злая шутка. Где-то в глубине души мне очень хочется в это верить.

– Привет, – в его голосе только радость и немножко усталости. Зажмуриваюсь, а ребро телефона оставляет глубокий след на ладони. – Варь, всё хорошо? Чего ты молчишь?

– Я... – где только силы берутся вообще разговаривать? – Я гуляю.

Ну же, Лёня. Убеди меня, что фотографии – фарс. Скажи, что уже несколько часов дома меня ждёшь, открыл вино и нашёл очередной дурацкий фильм на вечер. Уверь, что скучаешь и даже разозлился на моё отсутствие. Сделай хоть что-нибудь, чтобы я поверила тебе.

– Не гуляй долго, а то на улице куча идиотов! – тревожится Лёня, а я смаргиваю кипучие слёзы. – Будешь умницей, да?

– Я всегда умница.

– За то я тебя и люблю, – как по голове котёнка гладит. – Варь, я, в общем, чего звоню. Поклонский сегодня лютует, а у меня же с завтрашнего дня отпуск. Надо многое закончить. Ты же понимаешь? В общем, он меня завалил работой по уши, я, дай бог, если к полуночи освобожусь, а то и к утру. Не жди меня, спать ложись. Хорошо, любимая?

Он тархтит и много извиняется, а я бормочу в ответ что-то неразборчивое.

– Ты ж знаешь Поклонского, ему нужно, чтобы все винтики работали безукоризненно. Сам не живёт и другим не даёт, – ворчит Лёня и даже вздыхает, а я поднимаюсь со скрипучих качелей и иду в сторону остановки.

– На работе, значит? – уточняю глухо, а Лёня угукает и быстро прощается.

Говорит, что торопится, Поклонский считай над душой стоит и требует результатов.

Я бреду вперёд и снова плачу. Ну не дура ли? Хорошо, что на улице темно, и моих слёз никто не видит. Тошнит. Я опираюсь рукой на фонарный столб, но пустой желудок выпускает лишь воздух. Спазмом сводит живот. Дышу поверхностно, как загнанная собака, но в итоге легчает.

Я сама не понимаю, как меня выносит на улицу Тополиную, где стеклянной башней высится офисное здание холдинга «Мегастрой». Как я тут оказалась? Не понимаю.

Я брожу вокруг, долго смотрю на парковку, подхожу к центральному входу. Задираю голову, нахожу окна кабинета Леонида, но за стёклами крошечная тьма. Как и на всём этаже.

Вдруг отчётливо понимаю, что теперь точно конец. Лёни здесь нет. Я не только чувствую это, у меня даже доказательства есть помимо тьмы за окнами.

Парковка, на которой я торчала до этого, пустая. У Лёни довольно приметный автомобиль, но его нет. Там стоит лишь парочка машин, одна из которых личная Поклонского, но у Леонида не хватит денег даже на дверцу от неё.

Я слишком хорошо знаю этого мужика. И знаю, что он везде и всюду на колёсах, включая магазин за углом. А значит...

Значит, только что с треском порвалась последняя ниточка, которой была сшита наша с ним любовь.

– Ты плачешь? – я оборачиваюсь, торопливо вытирая слёзы, а Поклонский стоит в паре шагов, судорожно сжимая кулаки.

Откуда он тут взялся?

Я что-то говорю, ругаю саму себя. Порываюсь сбежать, но Дмитрий надвигается, как тайфун. Я только рукой отгородиться пытаюсь, но он уже слишком близко. Ладонями щёки накрывает, лицо моё в свете фонарей рассматривает, дышит глубоко, а на виске бьётся жилка.

– Ты зачем сюда приехала так поздно? Ты на машине? На такси приехала? Зачем?

Он засыпает меня рваными вопросами, ни на один из которых я не могу ответить. Слишком жалкой буду казаться, невыносимо это.

– Пустите меня.

– Ага, разбежался. Чтобы ты под машину попала в таком состоянии?

Неожиданно бережно Поклонский стирает большими пальцами остатки слёз, улыбается краешками губ, а лицо бледное и сосредоточенное.

– Куда твой жених смотрит?

– Он мне больше не жених, – злюсь и дёргаю головой, сбрасывая ладони Поклонского со своего лица.

Да, теперь это окончательно и бесповоротно. Не жених. Всего лишь бывший, которого я ненавижу.

Глава 3 Варвара

– Юрий, заberi в моём кабинете пиджак и проверь, чтобы из кармана не выпали ключи, – отдаёт распоряжения в трубку телефона Поклонский. В голосе твёрдая сталь и железобетонная уверенность.

Станный он. Когда после корпоратива я благополучно выбросила его визитку, подумала, что избавилась от него навсегда. Ну, честное слово, можно было понять, что меня не интересует общение с ним. Ни с кем не интересует, кроме Лёни. Но Поклонский затаился, чтобы примерно через пару недель объявиться в моём дворе. Он не подошёл, только курил, стоя рядом, разглядывал моих соседей, восхищал гуляющих мимо женщин. После они ещё долго шептались и размышляли, что такой мужик забыл в нашем простом райончике. Вот же невидаль и сенсация.

Ещё через неделю он прислал сообщение, и я даже не удивилась. Что человеку с его связями и возможностями стоило найти мой номер? Проигнорировала, Поклонский прислал коробку швейцарского шоколада, который я скормила соседским ребятишкам на его глазах. После были ещё подарки, но я неизменно, даже не глядя, заворачивала их обратно.

А сейчас сижу на резной лавочке рядом со зданием “Мегастроля”, скрестив ноги, и смотрю на мерцающие вдалеке огоньки. Там, чуть выше по улице, огромный жилой комплекс, и сейчас прячущиеся за его окнами люди проживают свои беды, радости, наслаждаются моментами редкого счастья.

Ситуация с Лёней выжала меня досуха, оставила внутри выжженную пустыню. Ураган ненависти, злости и обиды унёс всё хорошее, разрушил радостные воспоминания. Их затмило разочарование и опустошение.

Наверное, только поэтому я не сбежала от Поклонского и позволила посадить себя на лавочку. Возможно потому, что он единственный, кто не станет меня жалеть? Не будет охать и причитать, неловко улыбаясь? Чужого, пусть и искреннего, сочувствия не выдержу – оно станет последней каплей. Мне ещё всю родню обзванивать завтра, сообщать, что свадьба отменяется. Вот где стресс будет, потому пока берегу свои последние уцелевшие в этой войне нервные клетки.

Закончив командовать, Поклонский небрежно засовывает в карман брюк телефон и закатывает рукава ещё недавно идеально отутюженной рубашки. Обнажает крепкие предплечья, увитые крупными венами. Замечаю край тёмного рисунка татуировки, выглядывающей из-под ткани, но рассмотреть детали не получается. Да и не моё дело, какими узорами украшает своё тело чужой мужчина. Мы случайно встретились и так же быстро разойдёмся.

Из темноты вырастает невысокий худенький мужчина в безупречном костюме и протягивает Поклонскому пиджак, даже не глянув на меня. Сухо кивает, прощаясь, и так же бесшумно растворяется в темноте.

– Начальник моей охраны, – зачем-то поясняет Дмитрий, провожая мужчину взглядом.

- Мне казалось, начальники охраны должны быть... внушительных габаритов.

- Тупые качки пусть кабаки охраняют, я нуждаюсь в мозгах, опыте и хитрости. Так что Охотский - самый лучший кандидат.

Поклонский встряхивает пиджак, достаёт из кармана ключи и подходит ко мне. Не успеваю понять, что он задумал, и в следующий момент оказываюсь закутанной в его пиджак, а он большой и тяжёлый, пахнет мужским крепким парфюмом.

- Ты замёрзла, - всё тот же тон, которому так много людей подчиняется. - Не спорь, Варя, заболеешь.

- На улице тепло.

- А у тебя истерика. В таком состоянии очень легко простудиться. Организм даст сбой и сляжешь с пневмонией.

Мне действительно очень холодно, и я ёжусь, кутаясь в пиджак. Сил на споры нет, а Поклонский пользуется этим: подходит слишком близко и присаживается на корточки напротив.

- Варя, я отвезу тебя домой.

- Нет, - вскидываюсь, готовая на ноги вскочить, но тяжёлый взгляд Поклонского пригвождает к лавочке. - Ни в коем случае!

- Я снова спрошу: ты меня боишься?

- И я снова переспрошу: а должна?

Он усмехается, а вокруг глаз появляются морщинки.

- Меня - нет. Тогда почему опять пытаешься убежать? Просто подвезу, нам по пути. Какой смысл отказываться?

– Я просто не хочу ехать домой, – и это правда. Всё ещё не готова туда вернуться.

Он очень странно смотрит на меня, наклонив голову. Щурится, цепким взглядом ощупывает лицо, а мне кажется, что и вправду касается. Даже до щеки дотрагиваюсь, смахиваю с кожи невидимую паутинку.

– Чего ты боишься, Варя?

Вероятно, я слишком долго всё держала в себе, и теперь меня сам чёрт толкает.

– Я боюсь этой ночью оставаться одной в квартире. Лёня... не хочу его видеть, не выдержу. Завтра я вызову слесаря, поменяю замки, а пока буду просто гулять.

– Слесаря говоришь? – переспрашивает задумчиво, а я вижу по выражению глаз, что решает что-то, прикидывает.

Меня вдруг посещает идея, которой не могу сопротивляться. Засунув в сумку руку, я нахожу на дне телефон. Если та рыжая была на корпоративе, то её должен знать Поклонский. А я хочу выяснить наконец, кто она. Мне это нужно, чтобы не осталось ни единого слепого пятна в этой истории.

– Вы знаете её?

Дмитрий забирает у меня телефон и поднимается на ноги. Внимательно смотрит на фотографии, и лицо каменеет. Он определённо знает её, знает лучше меня, и от выражения лица, с которым он вглядывается в экран, мурашками покрываюсь.

Страшное лицо, злое. Но Поклонский быстро берёт себя в руки и... удаляет фотографии.

– Нечего эту гадость в телефоне хранить, – говорит чужим голосом, слишком хриплым для человека. – Да, я знаю её. Это жена моего финдира и по совместительству лучшего друга. Мы когда-то вместе основали маленькую фирму "Мегастрой". Торговали шифером, рубероидом, строили гаражи и мечтали о первом крупном заказе. Почти всё сами делали, только парочка

парней помогали и Елизавета Семёновна, мать Стаса. Она на телефоне сидела, на редкие звонки отвечала. Стас – экономист от бога, а я управленец, снабженец и архитектор по первому образованию. Потом до кучи юридический закончил.

Какая гнилая история, господи. Во что Лёня влез? Зачем ему эта женщина? Ясно одно: ему открутят голову на раз-два, если он не прекратит тискаться по углам с женой большого начальника и лучшего друга Поклонского.

Дмитрий кидает на меня задумчивый взгляд и снова подходит ближе, чем можно чужим мужчинам. Протягивает руку, мой подбородок поддевает и чертит большим пальцем на моей коже магические руны.

– Я держусь из последних сил, чтобы не поехать в “Великобританию” и не натянуть сладкой парочке глаза на уши. За тебя, за Стаса. Знаешь, сколько лет мы с ним дружим? У-у-у, наверное, больше, чем ты живёшь на свете. Но за тебя уничтожить его первичные половые органы мне хочется тоже.

– За меня? Дмитрий, это неправильно.

– Абсолютно неправильно. Недопустимо, – горько улыбается. – Я знаю, что ты скажешь, о чём напомнишь. О жене моей, о долге, о семье, в которую нельзя влезать. Но я всё сам знаю.

– Если знаете, зачем это всё?

– Всё слишком сложно, Варвара. Думаешь, я козёл похотливый, как твой Лёня? Такая же кучка крысиного помёта? – его пальцы перемещаются чуть выше, почти касаются губ, но в последний момент Поклонский чувствует, что переходит черту и отнимает руку. Она лишь на миг зависает в воздухе, но Дмитрий прячет её в карман.

– Я ничего о вас не думаю, – признаюсь, хотя немножко вру. – Ваша жена меня не касается и моральный облик тоже. Со своей бы жизнью разобраться.

– Знаешь, Варя, я чуть не сдох, каждый раз на глухую стену натыкаясь. Сто раз хотел плюнуть, телефон твой удалял, но он на подкорку вшит, не забудешь. Почему мой номер в блок не отправила?

– Не знаю.

– Не знает она... поехали, Варя, пока я не совершил какую-нибудь глупость. Ты обещала меня удерживать, так выполняй, – в его глазах пляшут черти. Поклонский будто бы вызов мне бросает, провоцирует совершить этой ночью какое-нибудь безумие. – Ты нужна мне сегодня. Впрочем, ты нужна мне всегда.

– Зачем?

– Если бы я знал, я бы уже нашёл способ тебя из своих мыслей вытравить. Но я не знаю, потому ты сидишь в моей голове, живёшь в моих снах, и я ничего не могу с этим поделать. Думаешь, пройдёт?

– К врачу ходили? Может, это шизофрения?

– Было бы весело, но увы и ах. И даже не старческий маразм.

Нет, определённо, это самый странный мужик из всех, кого встречала. Впрочем, имея лишь одни отношения за жизнь, что я понимаю в мужчинах?

Поклонский берёт за руку и тянет за собой к парковке. Пищит сигнализация, щёлкает замок двери большого автомобиля, а в соседней загораются фары и жужжит мотор.

– Охрана, – поясняет Поклонский и распахивает дверцу, приглашая меня сесть внутрь. – Не обращай на них внимания. Садись, поедем.

Да и чёрт с ним, поеду. Вот только куда?

Глава 4 Варвара

– Пристегнись, – просит Поклонский, крепко сжимая руль левой рукой. Правая порхает над навороченной сияющей в темноте кожаного салона панелью. Длинные пальцы с крупными суставами плавно движутся, нажимают на

несколько кнопок подряд, и вскоре пространство наполняется медленной тягучей музыкой.

Очень похожей на ту, под которую танцевали с ним на корпоративе, но вдруг в приятные воспоминания вклинивается образ рыжей. Прицепилась же, зараза!

Господи, обо что мне нужно стукнуться головой, чтобы никогда больше о ней не вспоминать?

– Как её зовут? – спрашиваю, уверенная, что Дмитрий понял, о ком мой вопрос.

– Настя, – спустя протяжную тяжёлую паузу отвечает Поклонский, и лицо его снова каменеет, а в глазах злость.

Я вздыхаю и берусь за ремень безопасности. Руки дрожат, и мне никак не удаётся попасть в нужный паз. Промахиваюсь, тихо под нос ругаюсь, но ладонь Поклонского ложится на мои запястья, ледяная, как в тот вечер.

Почему у него такие холодные руки? Это вообще нормально для живого человека?

– Успокойся, пожалуйста, – просит и, подавшись вправо, одним уверенным движением помогает мне с ремнём безопасности, надёжно пристёгивая по всем правилам.

Только не торопится отстраняться. Его дыхание щекочет шею, я ёжусь от контраста температур: ледяные руки и горячее дыхание – то ещё испытание.

– Что вы делаете?

– А на что это похоже? – в голосе ничем не прикрытая ирония и что-то ещё, чему не могу найти название. – Просто сижу. А ты что подумала?

– Подумала, что сидят люди на своих сиденьях, а не дышат в шею пассажирам.

– Мне не дышать? – хмыкает, а его большой палец кружится по моему запястью.

Ну почему он так реагирует на меня? Зачем делает всё это? Невозможный мужчина, а я – полная идиотка, если решила с ним куда-то ехать. В небольшом пространстве автомобильного салона всё ощущается слишком остро.

– Отчего же? Дышать, только чуть-чуть подальше. В другую сторону.

– Желание дамы – закон, – смеётся Поклонский и плавно отстраняется, ерошит волосы. Таким расслабленным я не видела его ни разу. Даже в мой двор он приезжал всегда одетый с иголочки, застёгнутый на все пуговицы, в галстук и запонках, а тут... совсем другой человек.

– Говоришь, замки решила сменить? – Дмитрий заводит мотор, мы выезжаем с парковки, а за нами неотступно следует машина охраны. На неё не получается не обращать внимания, как бы Поклонский об этом не просил.

Я никогда не ездила с сопровождением, это совсем не мой мир, хотя Лёня и планировал в будущем достигнуть такого же уровня. Но когда бы это ещё случилось, да?

Ох, Лёня. Сквозь ненависть в душе начинает прорастать беспокойство. Если Стас узнает об измене жены, как он поступит? Убьёт? Или просто ноги переломает? А вдруг ему пришлют такие же фотки? Вдруг уже прислали?

– Ты не ответила на вопрос, – Дмитрий уверенно ведёт машину, глядя впереди себя, но я каждой клеткой чувствую его внимание. – О чём задумалась?

– Ваш друг – злой человек?

– Стас? – удивляется Поклонский. – Почему спрашиваешь?

– Мне просто интересно, способен ли он на насилие...

– Что, размышляешь о судьбе Леонида? – Дмитрий выкручивает руль, машина выезжает на оживлённый проспект и тормозит на светофоре. Поклонский оборачивается, смотрит на меня пытливо, ждёт ответа, а я пожимаю плечами.

– Да. Что толку врать?

– Боишься за него?

– Я... не знаю, – бросаю в отчаянии и сжимаю пальцами виски. – Я ненавижу его, презираю. Но смерти ему не желаю.

– Смерти? – усмехается. – Максимум, что ему сделают – яйца оторвут. И уволят с волчьим билетом. Уверена, что для него смерть – худший выход?

Задумавшись о его словах, я вдруг начинаю смеяться. Вероятно, это последствие истерики, но я хохочу в голос, вытирая слёзы, пытаюсь согнуться пополам, и ремень безопасности больно врезается в грудь. Но даже этот дискомфорт не способен унять моё веселье.

На самом деле Лёня до такой степени карьерист и трудоголик, что для него увольнение – смерти подобно. Это будет и правда лучшей мезтью.

– Ну вот, а то сидела бледная, – Поклонский выжимает газ, и вскоре машина мчитя вперёд по пустой ночной дороге.

Только виды за окном уж больно знакомые.

– Это мой район? – удивляюсь, а Поклонский молча кивает. – Но зачем? Я же сказала, что домой не хочу!

– А ты и не поедешь домой, – уверяет, но к дому ехать продолжает. – Вернее, поедешь, но по важному делу. Очень срочному.

Да что он несёт? Совсем из ума выжил? А ещё клялся, что здоровый, но он точно псих.

– Остановите, тут неподалёку моя подруга живёт, у неё заночую, – взмахиваю рукой, но на Поклонского это не действует, он продолжает ехать к моему дому.

– Успокойся, – просит. – Просто встретишься с одним человеком, он уже ждёт. Я подумал, что утра ждать – долго, потому поменяем замки сейчас.

– Ночью?

– Он тихо, соседи даже не проснутся.

– Вы серьёзно? – не могу никак понять, что задумал этот странный мужик, а Поклонский кивает. – Да зачем? Я бы утром вызвала!

– До утра далеко, а ты же не хочешь, чтобы Леонид вернулся в твою квартиру? – смотрит в самую суть, понявший намного больше, чем я ему сказала. – Это же твоя квартира, да?

– Моя, – киваю, потому что это правда.

Мы с Лёней съехали пару лет назад. Вернее, однажды он остался на ночь, а после снова пришёл, и ещё – так плавно ко мне “переехали” все его вещи. Я не возражала. Любила его, но сейчас жалею, что позволила окопаться на своей территории. Слишком много в моей квартире осталось напоминаний о Леониде и его следов.

– Тогда какая разница, когда замки менять? Почему бы не сейчас? Ночь – отличное время, чтобы делать глупости и совершать подвиги.

Поклонский не врал: нас уже ждут у подъезда.

– Замок я взял, – говорит высокий мужчина лет пятидесяти. На нём тёмно-синий фирменный комбинезон с логотипом “Мегастроля”, в руках чемоданчик с инструментами, а на лице готовность работать на благо компании.

Мне всё это кажется сном. Изломанной сюрреалистичной реальностью, в которой я – главная героиня драмы.

– Ну что ж... пойдёмте менять замки, – чему-то хихикаю и осматриваю пустой двор. – Прямо спецоперация какая-то.

Больше всего я боюсь, что Лёня уже вернулся. Не смогу сейчас его видеть, не найду слов, чтобы поговорить без слёз и оскорблений. Мне нужно время, чтобы успокоиться и не выглядеть в его глазах жалкой истеричкой, но на счастье он

ещё не вернулся.

Но он ещё “на работе”. Терпит тиранию Поклонского, трудится в поте лица. Урод.

Стараясь не представлять, чем именно он занят в полночь, я веду слесаря за собой, только у самой двери понимая, что Поклонский всё это время шёл следом. Что ж он такой настойчивый?

Если бы не слесарь, который очень бодро принимается за работу, я бы обязательно попросила Дмитрия уехать домой, к жене. Зря с ним поехала, понимаю это. Вообще всё зря.

– Тут работы на двадцать минут, – сообщает слесарь и бодро орудует отвёрткой, а я не знаю, что мне делать дальше.

– Варвара, может воды? – спрашивает Поклонский, легонько трогая меня за плечо. – Очень пить хочется.

– Конечно, – не бросать же его умирать от жажды на пороге квартиры?

И пусть это всего лишь предлог, но я позволяю чужому мужчине войти в свою квартиру.

Глава 5 Варвара

Наверное, мне нужно избавиться от доминирования Лёни в этом доме. От его запаха, от ощущения, что никто другой не имеет права сюда входить, находиться в квартире, когда жениха нет рядом.

Я тщательно хранила верность Леониду и берегла свою репутацию. Теперь, когда Поклонский в доме, чувствую себя преступницей и изменщицей.

Остановившись на пороге кухни, зажмуриваюсь и встряхиваю головой. Лёня меня предал, растоптал всё, что было между нами, выставил на посмешище. Я ничего ему больше не должна.

Интересно, он со своей любовницей обсуждал меня? Небось смеялись надо мной, называли легковерной идиоткой, раз так и не поняла, что он изменяет, прикрываясь работой. Сейчас тоже смеются?

– Ты опять дрожишь, – Поклонский стоит за моей спиной и между нами всего несколько сантиметров. Дмитрий снова ворвался в моё личное пространство, нарушив все допустимые нормы.

– Я мёрзну, – признаюсь и растираю предплечья, а руки Поклонского обнимают меня за плечи. – Что вы делаете?

– Грею, – сообщает, наклонившись к моему уху, левой рукой перехватывает меня поперёк груди, а второй гладит по плечу.

– Не надо, – дёргаюсь и шиплю, как кошка.

– Сам знаю, – вздыхает, опускает руки, но не отходит, а я так устала, что даже шага сделать не могу.

На фоне слесарь негромко стучит инструментами, вытаскивая замок из старенькой деревянной двери, вставляет новый, а мы с Дмитрием так и стоим на пороге кухни в полной тишине.

Она звенит, а мне так больно. Господи, кто бы знал, как мне сейчас плохо.

Надо продать эту квартиру, переехать в другой район, поближе к работе. Решено! Я не смогу жить там, где каждый сантиметр пропитан предательством.

Поклонский вдруг зарывается носом в волосы на моей макушке, дышит глубоко, словно пытается наполниться моим запахом. Странные ощущения от его близости: острая смесь из боли, табу, страха и безопасности. Слишком остро, оченьпряно и опасно.

– Вы хотели воды, – напоминаю, и Поклонский нехотя отходит, но я всё равно его чувствую, до того он близок сейчас.

– Хотел. И да, Варя, переставай “выкать”. Я тебя всё равно уже не отпущу, что бы ты там себе не думала. Полгода мучился и ещё потерплю, но моей ты всё равно станешь.

Он так просто об этом говорит, что я не могу не обернуться, чтобы посмотреть в наглые чёрные глаза. Он действительно не понимает, что делает? Кобель!

Меня захлёстывает злость. На него, на себя, на весь мир. Нельзя быть настолько отмороженным, но Поклонский бьёт все рекорды.

Я тычу пальцем в его грудь, заводясь, и выговариваю шипящим шёпотом:

– Хочешь на “ты”? Да пожалуйста! Ты женатый человек! Думаешь, я смогу быть с несвободным мужиком? После того, как Лёня меня предал, завёл любовницу, стать на такое же место? Ты в своём уме? Если думаешь, что теперь я отчаюсь настолько, чтобы разрушать чужие семьи; мечтаешь, что упаду тебе в объятия, рыдая от счастья, что меня убогую такой элитный самец подобрал, то мой ответ таков: обойдётся. Ясно тебе, альфач одержимый? Или ещё повторить?

Я нарочно выделяю “ты”, чтобы не было в этот момент никаких преград. Чтобы понял меня, чтобы отстал.

– Катись отсюда, деньги за замок я верну. Вот прямо сейчас и верну! Ну, что стоишь? Выметайся, я сказала!

Я пытаюсь обогнуть его массивную фигуру, занявшую весь дверной проём, но Поклонского невозможно обойти, сдвинуть с места или отодвинуть. Замер непробиваемой скалой и только смотрит на меня со жгучим желанием. Кажется, чем сильнее злюсь, тем алчнее его взгляд становится.

Когда высказываю всё, что думаю о его интересе ко мне, даже лишнего наговариваю, Дмитрий ловит мои руки, прижимает запястья к своей груди.

– Ненавижу мужиков, – полыхаю пламенем прямо ему в лицо, и если бы это было не фигуральное выражение, от ресниц и щетины Поклонского ничего не осталось.

– Злая такая, буйная, – хрипит, закрыв глаза, а я всерьёз подумываю дать ему по яйцам. – Хочешь стукнуть? Дерзай, один раз можно.

– Больной на голову, знаешь?

– Давно уже, – кривая усмешка на губах и снова чёртова ямочка на щеке, которая буквально примагничивает мой взгляд.

Только мерный стук инструментов и возня слесаря не дают провалиться в чёрную дыру его взгляда.

– Ты совсем ничего не знаешь обо мне. Не знаешь о моей жене. Но ты никогда не будешь просто любовницей, забавой на одну ночь. Слышишь меня? – его глухой голос отдаётся вибрацией во мне, задевает какие-то тайные струны души.

– Достаточно, что она у тебя есть. Да пусти же! Вы все одинаковые. Ты, Лёня, вообще все. Только и думаете, кому присунуть, когда вас ждут дома и любят.

– Любят, говоришь? – Поклонский отшатывается, но вместо того чтобы отпустить, к стене толкает. В моей же собственной квартире!

– Да, Варя, мы все одинаковые, – подтверждает, а чёрные глаза горят пламенем, искрят. Он прилично выше, и сейчас кажется поистине огромным. – Похотливые уроды. Ты это хотела услышать?

Он не пугает меня, но его энергетика, злая и тёмная, впечатывает в стену. Не могу пошевелиться, только дрожать сильнее начинаю.

Чёрт знает что творится. Этот день вообще когда-нибудь закончится?

Поклонский наклоняется ниже, я упираюсь руками в его грудь, но он не набрасывается на меня первобытным животным. Только губами нежно ведёт по щеке, но не целует. Пробует.

– Я с ума по тебе схожу. Такая хорошая принципиальная девочка, верная, прямая и честная. Красивая. Нежная. Съел бы тебя.

– Я повторяю и это факт: ты больной на голову.

– Ага, именно. Увидел тебя на корпоративе и заболел. Это лечится?

– Ты воды хотел.

Мой голос срывается на хриплый шёпот, а Поклонский тихо смеётся.

– Хотел, да. Именно воды я и хотел. Напоишь?

Отстраняется, пропуская в кухню, и я дрожащими руками набираю воду в стакан. Зачем я вообще это делаю? Дура.

Протягиваю стакан Дмитрию, но он отрицательно качает головой, а в глазах тот же вызов, что мелькал раньше, возле здания “Мегастроля”.

– Представь, что я умираю. Напои меня.

– Дурдом, – не сдержавшись, смеюсь, ибо градус безумия взмывает вверх.

Не отрывая от меня жгучего взгляда, Поклонский выдвигает стул, седлает его и ждёт, когда выполню просьбу.

– Что тебе стоит? Просто напои уставшего человека. Я больше ни о чём не прошу, только глоток воды.

Он откидывается на стену, я поддаюсь глупому порыву и, загипнотизированная блеском его глаз, подношу стакан к губам. Дмитрий смотрит на меня так, словно ничего красивее и совершеннее в жизни не видел. Это... приятно. Так на меня никто не смотрел. Лёня смотрел, но как-то иначе.

Тонкая струйка воды стекает по подбородку, падает на белую рубашку, оставляя прозрачное пятно, в котором проглядывают контуры тёмного узора татуировки.

Интересно, что там нарисовано?

Да блин, о чём я думаю?! Совсем сдурела? А ещё Поклонского больным обзывала, а сама-то не далеко ушла.

– Ближе подойди, иначе всё прольёшь, – Поклонский облизывает губы, а я подаюсь вперёд.

Оказываюсь между его разведённых в сторону ног, почти вплотную к мощной груди. Дмитрий не пытается меня облапать, не прижимает к своему паху, но всё равно кажется, что расстояние между нашими телами до проблем интимно. Есть в этом что-то эротическое, запретное и недопустимое. Порочное.

Сделав несколько жадных глотков, наполовину опустошает стакан.

– Спасибо, – хрипло благодарит, а мне становится жарко.

Я просто поила его водой. А ощущение, что отдалась в развратной позе прямо на кухонном столе.

Нет, мне определённо нужно вытолкать его взащей, запереться и лечь спать. Спать, пока вся дурь из головы не выйдет, а нервы не перестанут звенеть натянутыми струнами.

– Спасибо, Варвара, это было... необычное ощущение. В чём-то даже круче секса. А теперь я пойду, – усмехается, и в этот момент в кухню входит слесарь, отчитывается за проделанную работу.

– Хозяйка, принимай, – ведёт за собой, вручает новенькую связку ключей, показывает, что куда проворачивать. – Замок надёжный, последнего поколения. Но дверь бы лучше сменить, эта совсем дохлая.

– Сколько я вам должна за работу и замок?

Слесарь бросает удивлённый взгляд на стоящего за моей спиной Поклонского. Безмолвный диалог длится не дольше пары секунд, и слесарь вновь на меня смотрит, неловко откашливаясь.

- Вообще-то всё уже уплотнено в полном размере.

И правда, что это я удумала?

- Спасибо вам, - говорю и в ответ получаю широкую улыбку.

- Обращайтесь.

Слесарь вручает мне визитку, прощается и уходит, оставляя нас с Поклонским наедине.

- Варя, посмотри на меня, - требует.

Я слушаюсь и встречаюсь с совершенно больным голодным взглядом.

- Я не стану торопить события. Не хочу пользоваться твоей истерикой, разрывом с Леонидом. Но ты знай: не всему, что пишут в газетах можно верить.

- Зачем тебе всё это?

- Затем, что я впервые за долгое время почувствовал себя живым. Настоящим. Это благодаря тебе для меня последние полгода не прошли зря.

Я о многом бы его спросила, но Поклонский протягивает руку, мягко гладит мою скулу и, подавшись вперёд, оставляет невинный поцелуй на лбу.

- Отдохни, Варя, поспи. Тебе это нужно.

И, развернувшись, уходит. Сбегает по лестнице, ни разу не оглянувшись. Отставляет меня наедине с ощущением, что всё в этой жизни только начинается.

Глава 6 Варвара

На улице Поклонский лишь раз оборачивается, ищет глазами мои окна, а я ныряю обратно за занавеску. Пусть не видит, что я слежу за ним, пусть не знает об этом.

Почему он остаётся во дворе так долго? Почему не уезжает? Сквозь распахнутое кухонное окно проникают только тишина и ароматы лета – что угодно, кроме рокота мотора и шуршания шин уезжающих прочь автомобилей.

Мельком бросаю взгляд на висящие на стене часы в форме совы – подарок мамы на новоселье, а на циферблате минутная стрелка, дрогнув пару раз, замирает на двенадцати, сливаясь с часовой. Полночь. Забавно, но Лёня выполняет обещания – говорил же, что будет трудиться чуть не до утра и держит слово. Другое дело, на какой ниве пашет, но я не хочу об этом больше думать.

Сейчас я хочу собрать его долбаные подарки в мусорные пакеты и выставить их за порог. И вещи его соберу, всё до последнего носка и галстука. Может быть, с балкона выбросить? Почему бы и нет?

Сквозь щелку между занавесками вглядываюсь в тускло освещённую площадку возле подъезда, и Поклонский всё-таки ловит мой взгляд, хотя и не уверена, что видит с такого расстояния. Я же хорошо спряталась! Но Дмитрий будто бы знает, что я здесь стою, подглядываю, как последняя дура. Поднимает руку и, махнув на прощание, наконец скрывается в салоне автомобиля.

Минута и уезжает, машина охранников стартует следом, и вскоре от их пребывания во дворе не остаётся и следа.

Одной проблемой меньше.

Мне всего-то и нужно – пойти в спальню и собрать все шмотки. Нахожу в кухонном ящике смотку мусорных пакетов и, запрещая себе думать, мчусь в комнату. Главное – не вспоминать, чем мы с Лёней здесь занимались. Просто уложить вещи в мешки, ничего больше делать не нужно. Иначе снова буду рыдать и до утра не закончу.

Дверца шкафа поскрипывает на полозьях, когда дёргаю её вправо. Как на себя не опрокинула, не убилась? Во мне столько дурной силы сейчас, что вовек не

растратить.

Первым делом в пакет летят рубашки. С извращённым удовольствием я сминаю каждую, по особенно белоснежным топчусь ногами. Веду себя, как ребёнок, но получаю от процесса неопишное удовольствие. Чем больше мешков оказывается рядом, тем легче на душе. Словно от грязи отмываюсь.

Пиджаки я режу ножницами. Любимый костюм Леонида кромсаю на множество мелких кусков, превращаю одежду в уродливые лохмотья.

Лёня превратил мою жизнь во что-то подобное, я просто возвращаю долг.

Единственное, на что не хватает духу – открыть чехол и достать на волю свадебный смокинг. Он остаётся на закуску, и я, как последняя трусиха, просто складываю его в отдельный мешок. Не могу позволить себе на него посмотреть, почувствовать аромат новой ткани, коснуться пальцами. Обязательно отравлюсь, как бы глупо это ни звучало. Чумой заражусь.

– Оказывается, ты ещё тот шмоточник, – разговариваю с пустотой, осматривая двадцать объёмных пакетов.

Я – женщина, но у меня одежды в разы меньше.

Подарков оказывается не так много – и половины пакета не занимают. Я старательно выбрасываю всё, даже сковородку с остатками яичницы. Сам помоем, если надо будет. В новой жизни ведь ему пригодится посуда, да? Как говорится, ещё не знаешь, где будешь жить, но омлет уже пожарить сможешь.

Вот я заботливая, на саму себя не нарадуюсь.

Ногами выталкиваю в коридор барахло бывшего, у двери останавливаюсь перевести дыхание, и именно в этот момент в замке шуршит ключ. Да ну блин, не мог веселиться с Рыжей ещё хотя бы часок? Надо было тебе вернуться сейчас?

Когда Лёня, ещё мало что понимая, настойчиво елозит ключом, меня окатывает злорадное удовольствие. Не попадётся, придурок, не получится! Притаившись в

коридоре, я жду, что будет дальше.

– Да что такое, а? – преграда в виде двери искажает его голос, превращая уверенный бархатистый баритон в бляение козла. – Чертовщина какая-то.

Ага, она самая, чертовщина. Никак иначе это не назовёшь.

Есть что-то очаровательное в том, чтобы слушать Лёнину возню. Упиваясь мелочной мезтью, не сразу понимаю, какую ошибку совершила.

Я не занесла его номер в чёрный список, не выключила звук. И теперь мой телефон разрывается лирической мелодией, и нежный голос поёт о вечной любви.

Лёня. Он звонит, почувствовав, что пахнет жареным.

Буду ли я снимать трубку? Нет. Но телефон орёт так громко, что даже тупой догадается: я внутри.

– Варя, что происходит? – кричит и долбится в дверь. Вынести её, что ли, пытается? – Открой! Что ты удумала?

Я не слышу злости в его голосе. Только отчаяние и детскую обиду.

Снова удар в дверь. Лёня будто бы всем телом на неё наваливается, дёргает на себя, расшатывает и без того хлипкую деревяшку.

Вздрагиваю, чётко понимая, что ещё немного, и он её просто вынесет. Не зря слесарь сказал, что дверь дохлая, она такая и есть. Старенькая, её давно уже нужно было заменить, но я живу в тихом районе, здесь нет нужды беспокоиться о безопасности. А теперь жалею, что не поставила когда-то железную. Сейчас бы Лёня не смог так легко в неё биться, без риска сломать кости.

Ещё немного, и на его крики слетятся все соседи и пойдут на меня войной.

Лёня не церемонится. Рискуя собрать вокруг себя толпу и отряд Омона, он лупит по двери так сильно, что по потолку идут трещины.

Не зря боксом всю юность занимался и до сих пор поддерживает себя в форме, регулярно становясь в спарринг. А ещё он реально здоровый и сильный, потому такому бугаю ничего не стоит повредить дверь.

Может быть, полицию вызвать? Сообщить, что ко мне ломится неизвестный? Только пока они приедут, Лёня весь дом по кирпичам разнесёт.

Да блин, только всеобщего внимания мне не хватает!

– Варя, лучше открой. Я же выбью её сейчас, ты меня знаешь.

И я, правда, его знаю, потому что Лёня только с виду такой добрый, нежный и пушистый. При желании, он камня на камне не оставит.

Глава 7 Дмитрий

Дорога вьётся под колёсами, но я мало что замечаю. Радуюсь только, что ночью трасса свободна, и уже через час я окажусь дома.

Только радуюсь ли? Действительно ли хочу попасть домой?

На самом деле меня рвёт на части, но я пытаюсь убедить себя, эмоции – пустое, лишнее. Варвара – взрослая девочка, сама разберётся. Это её жених, хоть и бывший, ей с ним и разговаривать, обрывая отношения.

Но что если Леонид обидит её? Варя едва живая после всего. Одного неосторожного слова хватит, чтобы морально размазать её по стенке, разрушить остатки самообладания и контроля.

За время, что Леонид работает в холдинге, я понял о нём многое. Но самое важное – он истеричка, хоть и всячески пытается казаться сильным и волевым мужиком. Вот только его натура всё равно прорывается сквозь любые баррикады.

Однажды я стал свидетелем очень некрасивой сцены: на служебной парковке кто-то из новых сотрудников занял его место. Так суслик не успокоился, пока не заставил несчастного убраться. На редкость скандальный тип, а ещё, вроде как, спортсмен-силовик, и это сочетание может выйти Варю боком.

– Поворачиваем назад, – бросаю в трубку, и от охраны в ответ несётся скупое: “Есть”.

На перекрёстке сдаю влево, почти ничего не нарушаю, наращиваю скорость и возвращаюсь к Вариному дому. Я недалеко отъехал, и дорога занимает не больше получаса.

Но и этого времени достаточно, чтобы опоздать.

Машина Леонида припаркована во дворе. Скриплю зубами и клянусь себя мысленно за идею уехать, а не дожидаться суслика. Но что уж теперь.

Валера, старший сопровождения, выходит из машины следом. Я отдаю краткие распоряжения его ребятам и забираю Валеру с собой. Мне понадобится кто-то, кто будет сохранять здравый рассудок, если у меня в голове коротнёт. И пусть я уже давно научился подавлять вспышки агрессии, если Леонид выйдет из себя, за себя не ручаюсь.

Срабатывает чуйка: что-то не так. Откуда знаю? Неважно. Просто чувствую.

Я взлетаю по лестнице, Валера движется следом, не отстаёт. В любой момент, стоит дать ему приказ, он кинется в бой, разорвёт на клочки каждого, кто будет представлять опасность. Например, Леонида.

Когда оказываюсь у Вариной двери, понимаю: внутри творится что-то неправильное. Тихое бормотание и приглушённый звук разговоров, переходящий в глухие крики, тому подтверждение.

Нажимаю кнопку звонка и так стою, не отрывая руки. Звук трелью разносится по квартире, и за дверью воцаряется тишина. Ну же, открывайте! Давай, Варя, докажи, что с тобой всё нормально. Даже если решила его простить, выйти за него, передумала бросать, просто открой мне и скажи об этом.

Но Варя не открывает.

И тут слабый писк, задушенный вопль заставляет меня покрыться мурашками и липким потом. Если я хоть что-то в этой жизни понимаю, то звуки эти – не радости, а мольбы о помощи.

Да плевать. Я просто открою эту дверь, а там будь что будет.

Варя не знает, что Иван Павлович, слесарь, дал мне запасной комплект ключей. Это не должно было стать очевидностью так скоро, но когда там, в квартире, происходит что-то странное, я не могу не вмешаться.

Когда-то мама ругала меня за повышенное чувство справедливости. Пророчила проблемы из-за этого, но годы идут, мне уже почти сорок, а ничего в моей башке не меняется.

Если кому-то плохо, мне хочется вмешаться.

Валера оттесняет меня в сторону, забирает ключи и сам открывает дверь.

– Если что, валите всё на меня, – заявляет без раздумий.

– Оставайся здесь, – прошу его и ступаю в квартиру.

– Помогите! – доносится со стороны кухни, и я спешу на голос, переступая через гору наспех брошенных мусорных пакетов.

В кухне беспорядок. Я только на миг останавливаюсь в проёме, а когда вижу, что происходит в комнате, иду вперёд. Хватаю Лёню за шкирку, оттаскиваю от распластанной по столу Вари, не обращая внимания на сопротивление, не задумываясь над тем, чему стал свидетелем.

Воцаряется гробовая тишина, а я встряхиваю Леонида так, что у него зубы клацают.

– Вали отсюда! – Варя первой приходит в себя, прыгивает со стола и, отвернувшись к окну, торопливо поправляет мятую одежду. – Уйди, видеть тебя

не хочу. И барахло с собой забирай!

Её голос звенит притаившейся в нём паникой, Варя едва не плачет. Старательно пряча взгляд, она выбегает в коридор, а я ещё раз встряхиваю Леонида, борясь с алой пеленой перед глазами.

– Ты слышал её? Проваливай, – сиплю и отталкиваю от себя Леонида, словно это крыса помоечная, о которую даже руки марать неприятно. – И да, ты уволен.

Наверное, я перестарался: Леонид, не справившись с гравитацией и инерцией, заваливается вперёд, неловко опираясь на расставленные руки, но быстро приходит в себя. Вскакивает и только взгляд на меня злой бросает. Молчит, а я вдруг замечаю расстёгнутую ширинку и приспущенные штаны. Что он тут сделать собирался? Мать его...

Не думать об этом, не представлять. Нельзя!

В коридоре пакетами шуршит Варя, ругается громко. Хлопают чужие двери, жужжат голоса – подъезд наполняется разбуженными соседями.

Варвара никого не замечает, выбрасывает мусорные мешки из квартиры, растирая слёзы по щекам. Молчаливый Валера, сурово нахмурившись, помогает ей, ни о чём не спрашивая. Просто знает, что так нужно.

– Варя, – Леонид подаётся вперёд, но я снова ловлю его, сгребая пятернёй одежду. Он смешно трепыхается, злится, но прижимаю его к стене, не оставляя пространства для манёвра.

– Пустите его, Дмитрий, пусть выкатывается! – Варя злится, а мне так хочется её к груди прижать, успокоить. Но разве могу после выходок Леонида? Даже коснуться теперь страшно, чтобы не напоминать, не сделать ещё хуже.

Говорят, что сексуальное насилие среди пар, находящихся в длительных отношениях, миф и не более, чем супружеский долг. Только всё это дерьмо, шитое белыми нитками. Леонид не имел права её трогать, если Варя не хотела. А она не хотела! Я понял это, стоило войти в кухню. Она сопротивлялась, и от мысли об этом сводит челюсть и хочется сломать кому-то не только нос, но и

шею.

- Дмитрий Николаевич, - Валера качает головой, выразительно глядя на меня.

Я отпускаю Леонида, переступаю через его упавший на пол телефон, подхожу к Варваре. Она поднимает на меня совершенно больной взгляд, всхлипывает.

- Давай вызовем полицию, - говорю, но она судорожно втягивает носом воздух и дёргает головой. - Он пытался тебя...

- Нет, - отрезает. - Я сама, дура, его впустила. Нет. Пусть катится отсюда.

И добавляет тихонько:

- Выгони его, а?

Эта трогательная просьба разрушает последние барьеры, которые я заботливо выстраивал вокруг себя последние полгода.

Валера берёт грязную работу на себя: под протестующие вопли Леонида просто выталкивает его наружу и закрывает за собой дверь, оставляя нас с Варей наедине.

- Он больше к тебе не сунется, - обещаю, а Варя смотрит на меня недоверчиво. - Валера умеет убеждать.

- Он бандит?

- Нет, всего лишь мой верный охранник. Оруженосец.

- Валера его убьёт?

- Даже ни одной кости не сломает. Но убедит. Леонид не придёт больше. Веришь мне?

Варя отводит взгляд, молчит, только дрожит сильно. Я протягиваю руку и поправляю её одежду, стараясь не думать, от чего она измята. Просто делаю что-то, чтобы не сорваться.

- Ты плохо знаешь Лёню, - шепчет едва слышно и зябко поводит плечами.

- У тебя коньяк есть? - спрашиваю, а Варя взмахивает рукой в сторону комнаты.

- Там бар. Но зачем тебе коньяк?

За дверью тихая возня, и вскоре всё стихает, погружая нас с Варей в вязкую тишину.

- Ты выпить хочешь? - уточняет.

- Я за рулём, мне нельзя. А тебе нужно.

- Но я не...

- Нужно, слышишь? - я кладу ладони ей на щёки и, наклонившись, в глаза заглядываю. - Необходимо.

В комнате обнаруживается неплохой бар, я достаю бутылку коньяка и бокал. Наливаю щедрую порцию, протягиваю сидящей на диване Варе. Она с сомнением смотрит на меня, но бокал в руки берёт.

- Спасибо, - говорит, обнимая двумя ладошками бокал. - Не за коньяк, за то, что приехал.

Снова отворачивается, словно ей стыдно на меня смотреть.

- Он... мне не надо было Лёне дверь открывать, но решила, что лучше так, чем привлекать внимание соседей. Я всё-таки неисправимая идиотка.

Она ругает саму себя и всё-таки делает глоток коньяка. Морщится, второй делает, но на третий её не хватает, а я не настаиваю. У меня нет цели её спить,

но в такой ситуации немного алкоголя не помешает.

– Можно я выговорюсь? – жалобно спрашивает и, затаив дыхание, ждёт моего ответа.

Я прикрываю глаза, присаживаюсь на низкий пуф напротив дивана. Получив разрешение, Варя, сначала робко, зажимаясь, но с каждой минутой всё смелее вываливает на меня всё, что случилось этим вечером.

Не понимает, что доводит меня до исступления своим рассказом. Всё сильнее провоцирует во мне желание убить Леонида. За то, что сунулся к ней. Что не услышал слова “нет”, что имеет право силой доказывать своё превосходство над женщиной.

Наверное, у него тоже была истерика. Не каждый мужик умеет справляться с отказами. Но всему есть границы.

Варя всхлипывает и допивает коньяк. Закончив тяжёлый рассказ, она кажется опустошённой, выпотрошенной. Её прекрасные, самые красивые в мире глаза слипаются. Варвара усыпает, а я присаживаюсь на диван рядом с ней и укладываю голову себе на грудь, обнимаю почти дружески. Только рука никак не хочет касаться только плеча – всё время норовит соскользнуть ниже, коснуться талии или бедра.

– Уезжай, Дима. Тебя, наверное, ждут, – просит сквозь сон, а я целую её во влажный от пота висок.

– Я сам разберусь, куда мне ехать и кто меня ждёт. А теперь молчи и засыпай.

Она снова слушается, внезапно покорная. Несколько минут проходит, пока её дыхание выравнивается, становится размеренным и глубоким. Я укладываю Варю на диван, накрываю пледом, и как последний идиот, сижу на полу ещё несколько часов, просто наблюдая. Смотрю, иногда касаясь волос, вытираю своим платком с высокого лба испарину. В какой-то момент она ловит мою руку и, что-то бормоча под нос, укладывает её себе под щёку. Смешно причмокивает, хмурит брови, гоняя во сне призраков.

Варя спит беспокойно, ворочается и всё крепче держится за мою руку. В какой-то момент даже больно становится, но это приятное ощущение.

Только на рассвете я оставляю её, укрытую пледом и наконец успокоившуюся. Перед уходом целую её в висок. Я покидаю квартиру, ни разу не обернувшись, потому что знаю: стоит ещё хоть раз посмотреть на неё, спящую, не смогу уйти.

Но мне нужно уходить, потому что меня действительно ждёт жена... она всегда меня ждёт, чтобы выломать остатки моей психики, планомерно, кирпичик за кирпичиком разрушая всё хорошее, что когда-то было между нами. Уничтожая остатки любви.

Глава 8 Дмитрий

– На сегодня можете быть свободны.

Взмахнув рукой, отпускаю охрану. Все, кроме Валеры, уезжают домой, пользуясь редкой возможностью отдохнуть хотя бы несколько часов.

Валера задерживается рядом, изо всех сил изображая, что совсем не устал и вообще Железный человек по сравнению с ним – унылый первоклашка.

– Он больше не сунется?

Валера молча качает головой. Он вообще неразговорчивый, мой верный оруженосец, но за годы совместной работы мы научились понимать друг друга без слов. Но, несмотря на это, я должен уточнить:

– Ты не замарался?

– Ни в коем случае. Психологическое давление с такими работает лучше.

– Я в тебе не сомневался, – хлопаю его по плечу. – Завтра отдохни, Юра тебя заменит.

Валера кивает и, не говоря больше ни слова, уезжает.

На меня работать сложно. Я никому не даю спуску, а себя больше других контролирую, не позволяя чему-то вмешиваться в свои планы и стоять на пути у глобальных целей.

Жаль, что в личной жизни всё намного сложнее.

Не дойдя несколько метров до входной двери, останавливаюсь и закуриваю. Горький дым снова напоминает о моей слабости. Что говорить о сопротивлении соблазну в виде хрупкой Вари, если даже курить не могу бросить? Да и вообще... много чего в этой жизни не получается оставить за спиной.

Я смотрю на собственную тень на тротуарной плитке, усмехаюсь ей, будто она живая, из плоти и крови состоит:

- Что, приятель? На словах ты Лев Толстой, а на деле? - тень повторяет мои движения, странно вытягиваясь ввысь, становясь длинной и угловатой.

Таким я был в юности. Тощий долговязый мальчишка, который рос быстрее, чем родители успевали покупать одежду по размеру. Тогда ничего не было, кроме амбиций и непробиваемой уверенности в собственных силах. В меня мало кто верил, кроме мамы и Стаса, но этого хватило, чтобы добиться того, что имею. Потом и кровью, через чужую боль, ненависть и шишки. Ошибок было много, но победителей не судят, да?

От мыслей о Стасе неприятно ёкает сердце. Ненавижу узнавать чьи-то секреты и влезать в корзины с грязным бельём, но и молчать... как молчать, когда лучшему другу наставляют рога? В отличие от меня, Стас искренне счастлив в своём браке, жену любит, жить без неё не может. Гадство... будь он кобелём, всё было бы проще, но он же верный и примерный - этим очень Варю напоминает.

Рассматриваю дом, вглядываюсь в окно супружеской спальни, в которой давно уже не живёт любовь, а постель с одной стороны всегда пуста и холодна. Там, за стеклом, горит тусклый свет, но мне не хочется на него лететь.

Однажды возвращение домой превратилось в наказание. Каторга, на которую мы с Юлей сами себя обрекли и только мучаем друг друга иллюзией семьи.

Стоит переступить порог, меня окутывает стылая тишина – будто в склеп попал. Щёлкаю выключателем, загорается десяток потолочных светильников, выставляя напоказ стерильную чистоту словно бы нежилого помещения.

Шорох одежды, звук торопливых шагов, и в холл выбегает Надежда, наша экономка. В этом доме работают только проверенные годами люди, на которых можно положиться – они умеют хранить секреты.

– Дмитрий Николаевич, Юлия Евгеньевна с утра из комнаты не выходила, – Надя по-настоящему встревожена, а я бросаю пиджак на банкетку и устало прикрываю глаза.

– Снова плачет?

Надя пожимает плечами, отводя взгляд.

– Владлен Филиппович приходил днём, просил вас с ним связаться.

Владлен – личный психоаналитик моей жены. Помогает ей справиться со своими демонами, но без особых успехов.

– Хорошо, Надежда, можешь идти отдыхать.

Хватит на сегодня – она уже выполнила все свои обязанности. И, зная мою жену, даже сверх положенного.

Не знаю, что держит Надежду в этом дурдоме. Возможно, преданность нашей семье, а может быть, щедрая зарплата и премии – денег я не жалею. Но понял бы, захоти она сбежать. Понял и не осудил. Мне самому с каждым днём всё труднее возвращаться, а в последние полгода вовсе невыносимо.

Юля встречает меня на площадке второго этажа. Как всегда безупречно красивая, бледная, в струящемся по телу светлом платье. О том, что она рыдала, несложно догадаться по припухшим красным векам и лихорадочному румянцу

на высоких скулах.

От неё пахнет алкоголем – добрая традиция последних лет, хотя Юля в упор не хочет признавать, что медленно, но уверенно спивается. Ей кажется, что если она будет вливать в себя не деревенский самогон или дешёвую водку, а элитный коньяк и вина с юга Франции, то её печень не откажет. Наивная.

– Дима, ты пришёл, – её слова звучат, как обвинение во всех смертных грехах. Пухлые, благодаря косметологии, губы кривятся в брезгливой усмешке, а под бледной тонкой кожей выделяется жилка на виске. – Уже не верилось, что увижу тебя сегодня.

Она что-то ещё хочет сказать, в обвинительном жесте взмахивает рукой, но Юлю вдруг ведёт. Охает, цепляется руками за перила, бросая на меня мимолётный жалобный взгляд. В нём мольба о помощи, но жена прикрывает глаза, возвращая на лицо надменную маску.

– Я пришёл, Юля, – поднимаюсь по лестнице и, остановившись на последней ступеньке, всё равно смотрю на жену сверху вниз. – Ты опять пила?

Юля распахивает глаза, фыркает возмущённо и подаётся назад, словно это поможет мне не услышать стойкий аромат переработанных организмом спиртов.

– Да как ты смеешь?! – шипит, до побелевших костяшек сжимая поручень. – Это лекарства, мне Владлен прописал. Один препарат на спирту, вот и запах.

Она торопливо оправдывается, облизывая губы, а я обвожу взглядом пустой коридор за её спиной.

– Ага, старая добрая настойка пиона. Это давно уже не смешно, не старайся.

Что ещё держит меня в этом доме, кроме чувства вины перед женой? Не знаю... и можно ли так долго игнорировать собственные желания, стремления, лишать себя возможности быть счастливым только потому, что однажды причинил Юле боль?

Я очень перед ней виноват и мне не под силу исправить прошлое. Но и жить так больше не могу. Пусть Юля считает меня дерьмом, пусть ненавидит, проклинает и даже полощет моё имя в газетах – на всё готов. Быть только с ней больше не готов, устал до тошноты.

Когда мы только познакомились, Юля мне казалась эльфийской принцессой, сошедшей со страниц фэнтезийного романа: маленькая, хрупкая, с горящими вечным восторгом огромными голубыми глазами. Прошло двадцать лет, и любовь превратилась в чувство вины, от которого я натурально задыхаюсь. Не могу больше. Сдаюсь.

– Юль, давай разведёмся? – я кладу руку ей на плечо, легонько сжимаю.

В тишине слышен только звук прерывистого дыхания. Юля моргает, напряжённо разглядывает меня, словно незнакомца. Или, может быть, видит перед собой безумца, у которого внезапно слетела крыша.

– Дима, ты о чём? – спрашивает, и в тихом голосе, помимо удивления, отчётливые нотки паники. – Нет-нет, даже слышать не хочу. Глупости какие-то говоришь. Какой развод? Ерунда.

И почему я надеялся на что-то другое?

Юля мотает головой, похожая на обиженного ребёнка. Губу закусывает, хмурится и снова головой качает, повторяя тихое: “Нет”.

– Юля, не прикидывайся глухой или глупой, – я становлюсь на последнюю ступеньку, делаю ещё один шаг, и расстояние между нами сокращается до считанных сантиметров. Жена поднимает голову, смотрит и молчит. – Это давно нужно было сделать, а не мучить друг друга.

Я влюбился в эту женщину, когда мне едва исполнилось восемнадцать. Но прошло больше двадцати лет и всё превратилось в фарс.

– Я хочу развестись, – повторяю и легонько подталкиваю жену к комнате, но она вырывается, бьёт меня наотмашь по щеке, до звонка в ушах.

Неожиданная сила для такой хрупкой женщины.

Прикладываю ладонь к лицу, и боль пульсирует, обжигает.

– Ещё раз ударишь...

– Ты подонок, Поклонский. Тварь, – орёт, но больше не дерётся, только во взгляде столько ненависти, что ею целый город можно сжечь.

– Я знаю, Юля. Соглашайся на развод. Начнёшь новую жизнь в любой стране, в какой захочешь. Бизнес тебе куплю, дом на озере. Помнишь, ты мечтала?

– Откупаешься от меня? – брезгливо морщится. – Думаешь, двадцать лет жизни можно измерить в домиках у озера? Ну, что молчишь? Тебе хоть немного стыдно? Хотя, о чём я... Ты же весь из себя несгибаемый, беспринципный, подлый. Да, Дима, ты подлый! Даже не придумал, где лучше потребовать развода, в коридоре управился. Ты вообще понимаешь, каково мне узнавать, что меня хотят выбросить на помойку, как надоевшую гнилую тряпку, вот здесь? Хоть бы в ресторан пригласил.

Юля то кричит, то затихает. Снова срывается в истерику: всхлипывает жалобно, лицо руками прикрывает, худые плечи дрожат. Я протягиваю руку, глажу жену по волосам, и она принимает эту скупую ласку, только трясётся ещё сильнее.

– Пойдём в комнату, – предлагаю, отнимая руку, но Юля цепляется за нее, как за последнюю соломинку.

Надо же, второй раз за вечер меня используют, как спасательный круг.

– Дима, зачем ты так? Ты же знаешь, что я пережила из-за тебя. Ты помнишь?

Бизнес – штука жестокая, и строить его приходится, взбираясь по головам и принося в жертву не только себя, но и всех, кто тебя любит. Когда у меня получилось выйти на новый уровень, Юля забеременела. Тогда я был слишком занят карьерой и амбициями, чтобы радоваться в полной мере, но я хотел ребёнка от любимой женщины. Я, чёрт возьми, тоже его ждал! Но потом случилась трагедия – случилась из-за меня и моего бизнеса.

Я всегда буду нести этот крест, но я не могу больше вымаливать прощения каждым своим вздохом. Не могу.

А Юля продолжает:

– У нас мог быть ребёнок, мы могли быть счастливы. Это всё из-за тебя, слышишь?! Я не могу быть матерью, я пустая, как пыльная ваза, и теперь ты хочешь просто бросить меня? После всего, что я для тебя сделала и что пережила, ты просто бросаешь меня? Вот так просто?

Юля засыпает меня вопросами, и каждый бьёт больно, точно в цель.

Я беру её за плечи, наклоняюсь ниже, удерживаю расфокусированный взгляд голубых глаз.

– Я каждый день виню себя в этом. Слышишь? Каждую минуту я помню о том, что из-за меня мы лишились ребёнка. И никогда не смогу исправить свои ошибки. Но и жить так дальше нельзя. Разве ты не видишь, в кого превращаешься в этом доме?

– Это из-за неё? – Юля заглядывает мне в глаза, прощупывает меня, пытается угадать ответ по взгляду. – Из-за той девки, к которой таскаешься, как подросток?

А вот это уже интереснее.

– Какая осведомлённость для женщины, которая сутками не выходит из дома. Откуда ты знаешь? Приставила ко мне ищейку?

Чтобы случайно не сделать ей больно, отпускаю руки, сжимаю кулаки до хруста костяшек. Я никогда не смогу ударить Юлю, но она всё равно в страхе пятится от меня.

– Я сама следила! Ты ничего вокруг последние полгода не видишь, только о ней думаешь. Что я, дура последняя, не пойму, когда мой муж лыжи в новую жизнь наострил?

Юля опирается спиной на дверь спальни. Пальцы в замок сплетает, заламывает руки, глядя в одну точку.

– Ты готов выкинуть меня из своей жизни только потому, что втюхался в девку, которой ты не нужен? Ты совсем идиот, Дима?

– Всё, Юля, мне надоела драма. Лимит исчерпан. Иди спать. Мои адвокаты займутся бракоразводным процессом, своих тоже подключай.

Я оборачиваюсь на пятках и спешу вниз по лестнице. Надо валить из этого дома, пока Юля не договорилась и я не сорвался.

– Я не дам тебе развод! – кричит в спину. – Не надейся!

Но я уже не слушаю. Забираю пиджак, ключи от машины и уезжаю из этого мёртвого дома, куда глаза глядят.

Глава 9 Варвара

Я просыпаюсь от колкой боли в руке. Не открывая глаз, пытаюсь справиться с мурашками, аккуратно сгибая и разгибая пальцы. Как же я уснула? Не помню...

Вдруг мне всё приснилось? И фотографии проклятые, и сцена на кухне, и Поклонский? Не было ничего, и в субботу состоится моя свадьба, после которой я всю жизнь проживу счастливой рядом с тем, кого люблю. Но стоит распахнуть глаза, замечаю стоящий на журнальном столике бокал, наполненный на треть коньяком, а в воздухе ещё кружится терпкий аромат мужского парфюма.

Значит, ничего мне не привиделось, и теперь как-то нужно справляться со своей жизнью.

Морщась, скидываю с себя плед и долго смотрю на него. Поклонский накрыл меня? Надо же, какой заботливый. Интересно, свою жену он тоже кутает? А ещё интереснее, какого чёрта я сейчас думаю о нём?! Других забот хватает.

Перед входом в кухню приходится набрать полную грудь воздуха. Я помню, какой бардак вчера оставили с Лёней, когда боролись. Он был настойчив, как герой эротического триллера. Пытался всеми доступными способами доказать, что мне без него не выжить и лучшего мужика найти точно не получится. Да лучше вовсе без мужика, чем с тем, который насильно к чему-то принуждает!

Тактильная память – вещь упорная. Стоит подумать о событиях вчерашнего вечера, и на коже пальцы Леонида чувствую. Он не успел ничего сделать, но помял меня основательно, мачо недоделанный. Истеричка и придурок.

Где-то в глубине души я рада этому новому Леониду, его образ окончательно помогает избавиться от иллюзий, ни о чём не жалеть и не плакать.

Первым делом распахиваю настежь окно. Впускаю в крошечную кухню свежий ветер и принимаюсь за уборку: поднимаю перевернутый стул, выбрасываю осколки некогда любимой кофейной кружки. Мне её почему-то больше всего жаль, даже больше своей поломанной жизни. Потому что мне её бабушка подарила на двадцатилетие. Она заказала её в маленькой гончарной мастерской, трогательную надпись сочинила, которая украсила глиняный бок. А теперь от кружки только черепки остались, их не склеить.

Шмыгаю носом, и больно режусь осколком. Нет, я не буду плакать, разве что чуть-чуть. Облизываю палец, а на языке привкус металла. Нахожу в аптечке пластырь, заклеиваю порез, и вдруг думается, что за изобретение пластыря на всю душу кому-то дадут Нобелевскую премию.

Чем бы так обклеить себя изнутри, чтобы больше не страдать?

Воспоминания о вчерашнем дне наваливаются лавиной. За многое мне стыдно, а что-то даже радует.

Поклонский спас меня, проносится мысль в голове. Он явился в мою квартиру, как рыцарь в сияющих доспехах, и если бы не он... кстати, как он внутрь попал?

Я беру к двери, ощупываю новый замок, дёргаю за ручку, но заперто. Значит, у него были ключи? Вот он жук.

Неугомонные мысли скачут, сталкиваются, разбегаются в стороны. Убрал наконец беспорядок, я по грудь высовываюсь в окно, наслаждаюсь тёплым утренним ветерком, что щекочет щёки, остужает разогретый лоб.

И стояла бы так до бесконечности, но есть одно важное дело, с которым никто, кроме меня, не разберётся. Сколько бы ни оттягивала неизбежное, оно само по себе не рассосётся.

Надо звонить родственникам, сообщать “радостную” весть: они могут никуда не ехать, сдавать билеты и не беспокоиться о подарках. Пусть кофемолки и миксеры себе оставят, а деньги тратят, куда им нужно.

Только от одной мысли, что придётся каждому позвонить и сообщить об отмене мероприятия, готова разрыдаться. И если родители меня поймут и ничего лишнего не спросят – они у меня замечательные, – то пара тётушек будет не прочь узнать всё в деталях. Ладно, гордый варяг не сдался и я не буду.

Но мама, как самая мудрая женщина в мире, берёт на себя роль дурного вестника.

– Уж я найду слова для собственных сестёр, – уверяет она меня, изо всех сил стараясь не выказывать своей тревоги.

Если мне с чем и повезло в жизни, так это с родителями. Они не были ни самыми богатыми или самыми образованными людьми. Обычные они у меня, простые и приземлённые. Но, боже ты мой, сколько любви они нам с сестрой подарили, сколько радости дали в мелочах, наполнили хорошими воспоминаниями под завязку. До смерти хватит.

– Варя, может быть, домой приедешь? – закидывает удочку мама, а на заднем фоне о чём-то бубнит сестра. – Тут Марьяна трубку вырывает, поговори с этой неугомонной, а то никакого терпения у меня на неё нет!

Мама смеётся, и вскоре в трубке тарыхтит пулемётной очередью сестра.

– Так, я ничего не понимаю, но буквально требую, чтобы ты приехала. Или давай я к тебе, а?

Она шикает в сторону, что-то бурно доказывает маме. Доносится звук шагов, скрип двери, хлопок и наконец Марьяна вспоминает обо мне.

– Та что? Если не хочешь, чтобы над тобой кудахтали все родственники по очереди, то не приезжай, – советует сестра, а я смеюсь искренне впервые за сутки. – Нет, я серьёзно.

– Я и не собиралась никуда ехать, мне же не пять лет, – говорю, включая чайник. – Лёня кофейную кружку разбил. Бабушкину.

– Эм... ту самую? Вот это он козёл! – моя сестра пыхтит возмущённо. – Так, я сейчас по видеосвязи наберу, мне нужно видеть твоё лицо.

Мы с Марьяной – двойняшки. Совершенно не похожие внешне, тем более, внутренне, но очень чутко чувствуем настроение друг друга.

Через минуту лицо сестры появляется на экране. Марьяна придирчиво осматривает меня, вглядывается в каждую чёрточку, качает головой.

– Что? Мара, я не умерла, у меня нет суицидальных мыслей. Что ты пялишься?

– Варя, ты точно в порядке? Ты подозрительно спокойная. Где опухшие от слёз веки, где вот это вот всё?!

– Вчера закончились слёзы. Сегодня – новый день и новые поводы для радости.

Во взгляде сестры вместо беспокойства появляется гордость. Она приглаживает светлые волосы, расплывается в широкой улыбке и заметно расслабляется.

– Вот и правильно! От слёз, говорят, ранние морщины появляются. В твоём возрасте это вредно.

Меня окатывает волной возмущения:

– Эй, коза! Я тебя на пять минут старше. На пять минут!

– Пять минут, знаешь ли, это много, – хохочет сестра, а я бы стукнула её, попадись она мне лично.

Дальше мы болтаем, не затрагивая острую тему. Просто разговариваем не как сёстры, а как лучшие подруги – ближе у нас никого нет. С самого рождения вместе, всегда и во всём рядом, и теперь, когда я могу видеть лицо Марьяны, пусть и на экране телефона, мне намного спокойнее.

– Что думаешь дальше делать? У тебя ведь отпуск. Длительный...

– Ага, целый месяц свободы. Я думаю уехать из города, – делюсь планом, который родился у меня пять минут назад. – Мы с Лён... короче, у нас забронирован отель, хороший. Всё оплачено и ничего отменять я не буду. Уеду туда, проведу время в тишине и покое, восстановлюсь.

– Отличная идея! – Мара хлопает в ладоши, роняет телефон и минуту возится, ругаясь на свою непутёвую жизнь.

– Ты там в порядке?

– Ага, всё пучком. Короче, езжай и даже не думай ни о чём. Проведи время с пользой. Может быть, там с мужиком классным познакомишься, залечишь душевные раны. Не надо на меня так смотреть! Клин клином вышибают, и нет ничего лучше целебного секса.

– Ты в своём уме, Мара?

– А то, – подмигивает мне. – Я в интернете читала, говорят, случайные романы на курортах – лучшее лекарство от хандры.

Сестра заливается хохотом, дурочка, и я не могу удержаться, чтобы не поддержать её. Глупость же. Какой секс, если я ещё не выгребла после предательства Лёни? Но если отбросить в сторону плотские утехи, мне действительно не помешает отдохнуть и привести мысли в порядок.

Попрощавшись с сестрой, я собираю чемодан.

Не знаю, что ждёт меня там, но я обязательно возьму от этой поездки всё. Всем назло.

Глава 10 Варвара

Пора отправляться в свадебное путешествие. Даже если моя свадьба сорвалась, и нет жениха, номер и все развлечения оплачены моими деньгами, имею право воспользоваться на полную катушку.

Чемодан подпрыгивает на бугорках, колёсиками проваливается в ямки на асфальте, подпрыгивает, словно пытается остановить меня. Но я уже всё решила, и отпуску быть, даже если проведу его в гордом одиночестве, грустно глядя в окно. Впрочем, если верить рекламным буклетам, развлечений в загородном комплексе “Парадиз” бесконечное множество, присесть некогда.

Такси ждёт меня у подъезда. Водитель стоит рядом, даже багажник приветливо распахнул. До “Парадиза” почти три часа езды, и я тороплюсь скорее сесть в машину.

Но вдруг что-то мешает, цепляется за чемодан, не даёт сделать шага.

– Я помогу, – хриплый голос Лёни звучит так неожиданно, что я буквально вскрикиваю и на месте подпрыгиваю.

Лёня вцепился в ручку моего – моего! – чемодана, смотрит себе под ноги и выглядит таким растерянным. На нём не надет привычный глазу костюм, а на носках туфель слой пыли.

– Ты что тут делаешь?! – взвизгиваю, ошарашенная его внезапным появлением.

– Просто позволь мне донести до машины этот чёртов чемодан, – хрипит и решительно дёргает на себя ручку.

За прошедшие несколько дней он иногда возникал под окнами. Делал вид, что всего лишь мимо проходит, пытался отправлять мне слезливые сообщения, пока

не заблокировала номер к чёртовой бабушке. После этого Лёня прислал общего друга с пламенным приветом. Игоря я напоила чаем, накормила пирогами и спровадила от греха подальше, пообещав гнев и ненависть, если не перестанет мне напоминать о Леониде. Игорь посмеялся, обнял меня и сказал, что я молодец.

“Ты всё знал? – спросила Игоря, и его растерянный взгляд стал лучшим ответом. – Неужели все всё знали, одна я дура?”

“Ты не дура, Варя. Ты очень хорошая. Считай, что Лёня тебя не заслужил”.

Игорь обнял меня на прощание, поцеловал в макушку и ушёл.

– Отпусти, – шиплю, а водитель делает шаг в нашу сторону. Взмахиваю рукой, останавливая. – Зачем ты снова припёрся?

– Затем, что я люблю тебя, – отвечает так просто, словно это многое должно мне объяснить. – И ты меня любишь. А дату свадьбы можно новую назначить.

Мне хочется орать в голос, но я не хочу больше тратить на Лёню свои нервные клетки – без того в минус ушли.

– Правильно, назначай. С Настей.

Лёня отшатывается назад, будто я ударила его кулаком в нос, даже морщится от боли.

Всё-таки мне удаётся дёрнуть на себя чемодан так, что Лёня выпускает ручку. Зло смотрю на него, едва ядом не плююсь и отхожу на пару шагов. Мне даже рядом стоять с ним не хочется. Не после измены, не после того концерта, что устроил недавней ночью.

– Ты до сих пор не уяснил, что я всё знаю? Даже имя её знаю, о муже её слышала? Ты точно идиот, Леонид. А ещё радуйся, что я в полицию на попытку изнасилования не заявила.

Лёня взмахивает рукой, но ладонь остаётся висеть в воздухе, так и не найдя цели.

– Ты хотел меня ударить? – меня буквально в сторону откидывает, и я чудом на ногах удерживаюсь.

– Ты что! – Лёня подаётся вперёд, но так и не решается дотронуться. – Я бы не смог тебя ударить, никогда. Только не тебя.

– А других бы смог?

Молчит, а я вздыхаю, глядя на Лёню наконец-то ясными глазами.

– Ты плохо выглядишь, Леонид, – подмечаю очевидное. Он будто бы постарел на несколько лет за те дни, что мы не виделись. – Тебе нужно отдохнуть. Езжай, выпись, а то на работе ругаться будут, если такой помятый в понедельник придёшь.

Лёня нервно дёргает щекой, в глазах мелькает злость и разочарование.

– Меня уволили, Варя, – почти кричит, словно именно я в этом виновата. – Поклонский, он... что он делал в нашей квартире? Как внутрь попал? Ты дала ему ключи? Ему дала от нового замка, а мне нет? И это меня ты называешь предателем?!

– Ты обалдел?

– Ты когда с ним успела спутаться? На корпоративе? Или раньше? А может, вы уже несколько лет как любовники? Ходят слухи, что у него жена сумасшедшая. Ты решила утешить богатого мужика?

– Подонок ты и трепло, – говорю и, развернувшись, быстро иду к машине. Встретившись с водителем взглядом, умоляю не вмешиваться и ничего не говорить. Не нужно комментировать эту некрасивую сцену и спрашивать ни о чём не надо. Только не сейчас, когда от любого неосторожного слова могу взорваться.

– Только давайте быстрее уедем, – прошу, и он, кивнув, запихивает мой чемодан в багажник. – Спасибо вам.

– Куда ты едешь? – кричит вслед Лёня, будто имеет право на вопросы. Наивный. У него больше нет никаких прав.

– Пошёл ты, – выкрикиваю прежде, чем захлопнуть за собой дверцу.

Лёня кричит вслед:

– Не думай, что ты нужна Поклонскому. Он тебя пережует и выплюнет!

А вот это уже не твоё дело, придурок.

Ничего себе!

Это первая и пока единственная мысль в моей голове. Машина притормаживает на пригорке, под ним мощёная разноцветной плиткой дорога, ведущая прямоком к центральным воротам загородного комплекса “Парадиз”.

Вживую комплекс ещё красивее: кованый забор с завитушками поверху, ярко-изумрудный газон, аккуратные домики вдальке, а за ними бескрайний сад. Наверняка в нём можно затеряться на несколько часов и забыть обо всём.

Вдруг вспомнились слова сестры: “Это твой новый этап в жизни. Возьми от него всё”.

Мара права: жизнь продолжается. Пусть Лёня фантазирует до одури, меня это не касается. Несмотря на пустоту в груди, я справлюсь.

– Красота, – присвистывает водитель и плавно спускает машину с пригорка.

– Не поспоришь, – я чему-то хихикаю, и в зеркале заднего вида отражается моё бледное, но довольное лицо.

Неужели вот та женщина с яркими тёмными глазами и ямочками на щеках – я? Обманутой накануне свадьбы невесте не положено быть счастливой, но я смотрю на отель, и меня переполняют самые разные эмоции. И больше всего радостные.

Пошёл вон, Лёня, со своими тупыми пророчествами. Не твоего ума дело, что у меня с Поклонским.

Вот почему я вновь о Дмитриии вспомнила? Со времени последней нашей встречи он прислал мне парочку сообщений и огромный съедобный букет. Поклонский запомнил, что с флорой у меня сложные отношения, потому все его “цветы” – шоколад, вино, фрукты и прочие деликатесы.

Неугомонный он. Но его настойчивость отличается от бескомпромиссной твердолобости Леонида. Вот, вроде бы, двое активных мужиков, а между ними такая огромная разница.

Расплачиваюсь с таксистом, желаю ему лёгкой дороги и забираю из багажника чемодан. Машина уезжает, посигналив на прощание, и я попадаю в настоящую сказку.

Отель чудесен: открытая просторная территория, много свежего воздуха и тропической зелени. В холле главного здания плиточный пол, с десятков низких удобных диванчиков, витражные окна и приветливый персонал. Дух Марокко притаился в мелочах, и я чувствую его в каждой детали интерьера: в обивке мебели, густых ароматах и ярких красках.

Будто бы не три часа на такси в пригород ехала, а на самолёте долго летела в страну, где оживает сказка.

Я много читала об этом комплексе: отзывы, рецензии серьезных тревел-блогеров, просто собирала информацию, где могла, по крупицам. Но даже подумать не могла, что «Парадиз» окажется настолько восхитительным местом.

За стеклянной перегородкой виднеется бассейн, и тёплые солнечные лучи подсвечивают его, делая нереальным. Вдалеке домики в окружении густой зелени, и вся эта картина заставляет улыбнуться. Неужели я ещё не разучилась радоваться мелочам?

– Добрый день! Добро пожаловать в комплекс “Парадиз”, – администратор приветливо улыбается, и я на мгновение зависаю, поражённая её красотой.

Похоже, здесь всё и даже люди красивы до боли в глазах.

– Меня зовут Краснова Варвара Сергеевна, у вас на моё имя забронирован номер.

Администратор щёлкает клавишами, вводит мои данные в поисковую систему отеля, едва заметно нахмурившись, но буквально через несколько секунд снова расплывается в приветливой улыбке и смотрит на меня, как на самую большую драгоценность этого мира.

– Конечно, номер новобрачных, четыреста четвёртый, – она немного растерянно глядит за моё плечо, будто за ним мог спрятаться до сих пор невидимых жених, но быстро берёт себя в руки.

– Да, именно его я и бронировала, – мой голос похож на скрип несмазанных петель, но я упорно держу лицо и улыбку не теряю.

– Конечно, вот ключи, – она протягивает мне пластиковую карту и буклет. – Здесь обозначены все опции, включённые в ваш пакет. Так как вы оплатили максимальный тариф, то действует система “всё включено”.

Администратор ещё несколько минут посвящает меня в разные тонкости, не касаясь темы моего одиночества, но я вдруг перебиваю её:

– Спасибо большое, я разберусь.

– Если что, звоните по внутреннему номеру, он указан в буклете. Приятного отдыха!

Номер оказывается даже слишком красивым. А ещё в нём витает дух любви и счастья: на кровати роскошное шёлковое бельё, на круглом столике стоит ведёрко с шампанским, рядом поднос с закусками, а в красивом белоснежном конверте пожелания счастливой семейной жизни. Всё это выглядит насмешкой, но мне впервые не больно. Мне весело.

Чёрт с ним, пусть будет белоснежное бельё и шампанское в ведёрке. Я буду отдыхать на полную катушку, буду напиваться новыми впечатлениями и, возможно, послушаюсь совета Мары: найду себе мужчину для лёгкого курортного романа.

На ум приходят её слова:

“Наплюй на Лёню! Ты красивая и умная. Найди того, кто поднимет самооценку, и жизнь заиграет новыми красками! Ищи не мужика, но лекарство”.

Может быть, Марьяна права? Может быть, мне действительно нужен кто-то, кто будет восхищён мной? Вдруг завести на курорте мужика и правда, отличная идея?

Пока я думаю над всем этим, в животе предательски урчит. В последний раз ела вчера вечером, и теперь желудок сводит болезненным спазмом.

Я могу заказать в номер ужин, но мне хочется выйти в люди. Переодевшись в лёгкий летний костюм, привожу в порядок волосы. Покрутившись перед зеркалом, беру с собой телефон и покидаю страну ванильной любви.

Маленький уютный ресторан находится в самой гуще сада. Тут поют на все голоса птицы, и одуряюще пахнет летом. Занимаю столик у окна, заказываю у приветливого официанта пасту с морепродуктами и бокал вина, а когда остаюсь в одиночестве, погружаюсь в созерцание пейзажей. Оглушительная красота, от неё даже немного больно.

Когда ароматное блюдо опустошено на половину, я улыбаюсь сидящему на соседнем стуле воробью, а он смешно хохлится, выискивая съедобные крошки. Скармливаю ему приличный кусочек пресной булочки, он благодарно чирикает, забавно разевая клюв. Ну что за прелесть этот воробей.

В эту идиллию врывается звук входящего сообщения. Почему-то знаю, что это Поклонский, но всё равно удивляюсь, когда вижу его номер в теле сообщения.

“Верить ли ты в судьбу?”

Дмитрий порой такой загадочный.

“Судьба – лишь цепочка событий”.

“И эта цепочка раз за разом приводит меня к тебе. Посмотри влево”.

Откуда эти дурацкие мурашки? Почему они щекочут мою кожу именно сейчас?

Несколько секунд мне требуется на то чтобы повернуть голову влево. Столбенею, забыв сделать вдох. Моргаю удивлённо, разглядывая высокого мужчину.

Это Поклонский. Сидит на расстоянии нескольких столиков и даже не улыбается. Только смотрит так, что у меня всё внутри переворачивается.

Глава 11 Варвара

Дмитрий за столиком не один: по левую руку сидит красивая женщина примерно его возраста, а напротив лысый мужчина. Я не вижу его лица, только мощный загривок, но судя по количеству складок, мужчина далеко не молод. Шириной плеч напоминает борца, а шея такая массивная, что даже страшно. Поклонский – мужчина крупный, но в такого бегемота Дмитрия можно завернуть и ещё место останется.

Кто эти люди? И что Поклонский делает в “Парадизе” как раз в то время, когда приехала сюда отдохнуть и набраться сил жить дальше, гордо глядя вперёд? Следил за мной? Выяснил по своим каналам, куда приехала, и решил нанести визит вежливости? Но зачем ему для этого группа поддержки?

Я даже от компании сестры в этом отпуске отказалась. Не хотела видеть никого из знакомых, но Дмитрий, похоже, моё личное проклятие – появляется всегда внезапно, когда его меньше всего ждёшь.

Притворяться, что я не вижу его и не узнаю – глупо, потому киваю и отворачиваюсь к окну.

В ресторане шумят разговоры, сад за окном каждую секунду меняется, приковывая к себе взгляд: вон в густой кроне с ветки на ветку перепрыгивает яркая птичка, на землю падает яблоко, а счастливая парочка отдыхающих бродит между деревьев, выискивая уединённую лавочку.

Сидящий за соседним столиком мужчина роняет вилку, она звонко ударяется о каменный пол, и я вздрагиваю. И тем самым снова отвлекаюсь и незаметно для самой себя переключаю внимание на Поклонского. Его соседка поправляет тёмные густые волосы, уложенные в красивую причёску, улыбается Дмитрию. Любовница? Тогда зачем им этот лысый рядом? Зачем им свидетели? Нет, наверное, между ними ничего нет, иначе для чего Поклонский мне сообщения шлёт? Похвастаться, как его женщины любят, одна я никак не проникнусь?

Прохладное вино щекочет вкусовые рецепторы, освежает. Делаю ещё один глоток, и в теле появляется лёгкость. Надо закусывать, Варвара!

Ковыряю вилкой остывшую пасту, заедаю голод хлебными палочками, допиваю вино. Кожей ощущаю взгляд Поклонского. Он улыбается своей соседке, внимательно слушает мужчину, но смотрит только на меня.

Мёдом ему тут, что ли, намазано?!

Наверное, это вино так на меня действует, но я отправляю ему сообщение:

“Ваши друзья могут обидеться, если будете дальше тарашиться на других людей”.

Всё, отправлено.

Когда он читает сообщение, на его губах появляется призрачная улыбка. Всего лишь намёк, но глаза смеются по-настоящему.

Дмитрий качает головой, делает глоток из своего стакана и переводит взгляд на мужчину. Что-то говорит – с такого расстояния не разобрать – и это запускает механизм: женщина кладёт салфетку на стол, мужчина поднимается, протягивает для рукопожатия руку. Общаются о чём-то, Дмитрий забирает чёрную папку и уходит провожать своих друзей.

Партнёры по бизнесу? Нанятые для важной слежки детективы? Любопытно...

Официант подходит к опустевшему столику, деловито собирает посуду – пожалуй, и мне пора. Пойду вон, в саду прогуляюсь, нервную систему полечу, а то совсем расшаталась.

До выхода двадцать шагов, и я прохожу их, плавая в густом сиропе собственных безрадостных мыслей. Потому не сразу замечаю, кто именно преграждает мне дорогу.

– Ой, – отступаю на шаг, поднимаю голову и медленно скольжу взглядом по массивной фигуре Поклонского.

Тёмный костюм, запонки, галстук, белоснежная рубашка – одет он дорого и со вкусом. В “Парадизе”, где люди отдыхают, позабыв о дресс-коде и важных переговорах, Дмитрий кажется инородным телом.

– Чуть с ног не сбила, – усмехается, но с дороги не уходит, так и стоит столбом, похожий на памятник Биг боссу всея планеты.

– Скорее я бы нос себе сломала, чем вас с места сдвинула, – пожимаю плечами.

– Снова выкаете? – левая бровь ползёт вверх, на губах всё та же улыбка. – Надо исправлять.

– Меня всё устраивает, спасибо, – делаю что-то похожее на книксен и по короткой дуге обхожу Поклонского. – Извините, я пойду. Дел по горло.

Я уже почти ушла, и сад впереди манит меня скрыться в тени своих деревьев, но слова Поклонского бьют прямо в спину:

– Варя, не знаю, зачем тебе эта информация, но просто хочу, чтобы ты знала: я развожусь с женой.

Я медленно оборачиваюсь, смотрю на Поклонского, в ответ получаю пристальный взгляд с фирменным прищуром.

– Это из-за меня?

Дмитрий усмехается.

– Это из-за себя, но ты тоже причастна.

– Избавьте меня от участи разлучницы, я для такой роли не гожусь. Кто угодно, только не я.

– А ты и не разлучница. С чего такие выводы?

Как будто не ко мне он таскался последние полгода, но я не хочу дальше развивать тему.

Взгляд цепляется за красивую лавочку на островке газона, и я сажусь на неё, болтая в воздухе ногами. Тело расслабляется. Закрыв глаза, наслаждаюсь ласковыми лучами солнца. Они щекочут ресницы, поглаживают щёки и словно бы поцелуи на губах оставляют.

Я знаю, что Поклонский никуда не делся, он всё ещё слишком рядом для чужого мужа. Разводится? Слабо верю. В мире больших денег и высокого положения не торопятся делить имущество. Зубы, наверное, заговаривает, чтобы наконец растаяла.

– Какой реакции ты от меня ждёшь? Поздравить тебя? Или пожалеть?

– Можно просто расслабиться и перестать делать вид, что тебе на меня плевать.

– А если мне на тебя действительно плевать? – распахиваю глаза, обалдев от его наглости.

– Но ты до сих пор не заблокировала мой номер, – разводит руками, а я только сейчас понимаю, что той папки, которую ему передали в ресторане, у него нет. Отдал водителю?

– Потому что я дура, – хмыкаю и, откинувшись на спинку лавочки, гляжу в небо. Медленно плывут облака, цепляясь за кроны деревьев, оглушительно поют

птицы, летают бабочки, мелькая яркими вспышками разноцветных крыльев.

Всё-таки хорошо, что сюда приехала. Райское место, даже несмотря на присутствие Поклонского, которого проще приравнять к стихийным бедствиям, чем попытаться избавиться.

– От твоего эго, Дмитрий Николаевич, скоро небо рухнет. Не надоело быть таким невыносимым?

– Нет, – качает головой.

Так, всё. Достал.

Мне следовало сделать это ещё полгода назад.

Достаю телефон и, мстительно глядя на Поклонского, нахожу его номер и заношу в чёрный список. Показываю ему, чтобы убедился лично, а Дмитрий удивлённо поднимает левую бровь и вдруг смеётся. Да так весело, от души, словно ничего забавнее в жизни не видел.

– Вот как тебя не хотеть? – спрашивает каким-то тягучим хриплым голосом.

– Что ты прицепился, как банный лист? Зачем вообще сюда приехал? Что бы что? Со мной увидеться? Лишний раз о себе напомнить? Если так, то это преследованием пахнет, и я могу в полицию пойти.

Я бы многое ещё сказала, потому что на взводе. Но Дмитрий смотрит мне за плечо и кому-то сдержанно кивает. Оборачиваюсь, замечаю невысокого мужчину, спешащего в нашу сторону.

Весь его вид говорит о деловой собранности, а на лице застыло выражение “я тот ещё профессионал”. На нём тёмный костюм, глаза за стёклами очков кажутся прозрачными, а в руках планшет и папка, идентичная той, что Поклонский уже получил в ресторане.

– Дмитрий Николаевич, от Соболева пакет документов, настоятельно просил посмотреть в ближайшее время, горят сроки поставки известняка.

Поклонский забирает папку, открывает и бегло просматривает содержимое, чему-то кивая. Он снова тот самый Биг босс, от которого мурашки по коже. Кажется, камень в кулаке сожмет, и сок выдавит, не поморщившись.

– Спасибо, Олег. Передайте Соболеву, чтобы через час в мой кабинет поднялся, обсудим.

– В головной офис подъехать?

– Нет, сюда пусть приезжает, – Поклонский кивает в сторону входа в отель, а я чуть было не икаю.

Я не ослышалась? У него здесь кабинет? Не номер, а именно кабинет?

– Но он в соседней области... – сомневается Олег. – Успеет ли?

– Значит, через два часа и это больше, чем готов ему предложить, иначе получит выговор с занесением, потому что именно из-за него срываются поставки. Если сроки горят, то в его же интересах шевелиться.

Ты смотрите, какой злой дядя. Даже жаль этого несчастного Соболева. Вдруг не успеет?

– Хорошо, Дмитрий Николаевич. Ещё Булатов...

– Булатова на завтра назначь, пусть к восьми утра будет.

– Здесь?

– Да, я до полудня в “Парадизе”, потому всех, кому назначено до этого времени, сюда направляй.

– Хорошо, но там после девяти ни единой встречи, отдохнете, – Олег слабо улыбается и что-то быстро помечает на экране планшета. – Так, всё, стальное по срокам терпит, рабочий план на три ближайших дня я сбросил на почту. Ознакомьтесь поскорее, чтобы мы успели внести коррективы и всех вовремя

скоординировать.

- Да, я уже видел, меня всё устраивает, - Поклонский снова разглядывает документы и взмахивает рукой: - Ты хорошо сегодня поработал, а теперь домой езжай.

- Прямо сейчас? - будто не верит своему счастью Олег.

- Вот в эту же минуту, - разрешает Поклонский. - Как там супруга?

Дмитрий смотрит на Олега и кажется, что ему действительно интересно.

- Маша? Она... роды на пятое назначили, - Олег будто бы светится, говоря об этом. - Ещё четыре дня, но она молодец, держится.

- Береги её, хорошо? Ребёнка береги особенно. И да, твой отпуск в силе, так что не беспокойся. Если нужно будет, сроки подвинем.

Притихшая, я смотрю на Поклонского во все глаза. Он так сильно волнуется о сотруднице и его будущем ребёнке? В его глазах мелькает грусть и затаённая боль, о которой он вряд ли кому-то расскажет. Но сейчас, когда я вижу Дмитрия таким, что-то гулко отзывается в груди.

- Береги, понял? - в голосе Поклонского горечь, от которой мне самой становится не по себе.

- Буду, Дмитрий Николаевич, - улыбается Олег и, попрощавшись, уходит.

Поклонский захлопывает папку и смотрит на меня, усмехаясь.

- Спрашивай.

- О чём?

- Я же вижу, что тебя распирает. Спрашивай, я отвечу.

Я осматриваюсь и вижу главное: суету, какая обычно бывает везде во время посещения большого начальства. Я сама работаю в филиале крупной фирмы и знаю, что бывает с сотрудниками, когда едет “кто-то сверху”, самый главный босс.

– Это твой комплекс?

– Мой, – снова эта усмешка на губах. – «Парадиз» – идеальное место, чтобы вести переговоры и развлекать иностранных партнёров: красиво, комфортно, равнозначно близко к городу и аэропорту.

– Это даже забавно, – разглаживаю на коленях юбку, смотрю на Поклонского из-под ресниц. – Из всех комфортабельных отелей нашего цветущего края и курортов мира я оказалась именно в твоём. Правда, смешно же.

Интересно, это злая ирония или знак судьбы?

– Ты получила приглашение на бал? – вдруг спрашивает, снова глядя в свои документы.

– Бал?

– Да, – Поклонский смотрит на меня поверх папки, чему-то улыбаясь. – Каждый год первого августа в “Парадизе” проводится бал. Отличное мероприятие, рекомендую.

– Ты поэтому удержишься?

– И поэтому тоже, – смеётся, видя моё замешательство. – Приходи, тебе понравится.

– Уверен, что так хорошо понял, что мне может понравиться?

– Уверен, – Поклонский абсолютно серьёзен и этим бесит. Хочется толкнуть его, наорать, ударить даже.

Никто раньше на меня так не действовал – я вообще довольно мирный человек, но Дмитрий... раздражает своей упёртостью до зубовного скрежета и волнует одновременно. Откуда он взялся на мою голову? И так все чувства растрёпаны, ещё он вечно выпрыгивает, как чёрт из табакерки.

– А ты придёшь?

И зачем я об этом спрашиваю?!

– А что? Моё присутствие может как-то повлиять на твоё решение посетить праздник?

– Я... нет, я просто спросила.

– Буду, – вздыхает. – Для меня это работа, я обязан всё контролировать.

– Ты когда-нибудь отдыхаешь или только всё контролируешь?

– О, личные вопросы пошли, мне это нравится, – мягко смеётся. – Но работа – это тоже вид отдыха, а хорошо сделанная работа – особенное удовольствие, я от этого заряжаюсь, как от аккумулятора. Если спросишь, когда я в последний раз был в отпуске, я отвечу, что двадцать лет назад между сессиями отдыхал.

Он бы ещё о многом рассказал, но его отвлекают. В сторону ресторанчика идёт представительный мужчина в деловом костюме, я узнаю в нём Валеру – того самого, что помог выгнать Лёню. Жаль, что надолго не хватило, и мой бывший снова решил активизироваться.

Пользуясь тем, что Поклонский отвернулся, я ухожу в сторону сада и так, “огородами”, иду к своему домику. А там меня уже ждёт приглашение в красивом конверте с лаконичной эмблемой “Парадиза” в витой рамке.

“Уважаемая Варвара Сергеевна!

Спешим пригласить вас на ежегодный бал, который состоится сегодня в 19:00 на территории летней террасы. Будем рады подарить вам незабываемые волшебные эмоции”.

Похоже, сегодняшний вечер не будет тихим.

Значит, бал? Ну что ж, отлично!

Глава 12 Варвара

Первым делом вытряхиваю на кровать содержимое чемодана. Я захватила много одежды, взяла на всякий случай и вечернее платье. Оно практически новое – всего раз сходила в нём в ресторан, но тот вечер оказался таким скучным, что едва не уснула прямо за столиком.

В тот вечер Лёня пригласил на ужин начальника отдела, его супругу, парочку менеджеров в сопровождении спутниц, которые только и делали, что со скучающим видом поглощали дорогое шампанское.

Только сейчас до меня начало доходить, каким Лёня бывал подхалимом. Почему раньше не осознавала? Он говорил, что строит карьеру и все эти телодвижения – на благо нашего общего будущего, для нашей семьи.

Эх, как красиво пел, вот только в настоящем трудился не только на наше благо, но и на втором половом фронте не забывал потеть. Ударник труда, чтоб его!

Я отдаю вещи горничной, а сама долго отмокаю в ванной с душистой пеной, привожу себя в порядок, но до семи вечера ещё несколько часов. Забираюсь с ногами на кровать, ставлю на колени ноут и, подключившись к сети, бесцельно сёрфлю в интернете. Рабочие письма нагло игнорирую – у меня медовый, чёрт его дери, месяц! – и в итоге прихожу в себя, когда на экране загружается фотография Рыжей.

“Рыльская Анастасия Игоревна, тридцать лет, владелица модной галереи и светская львица”.

В сети находится уйма её фотографий. На каждой Анастасия Игоревна в толпе друзей, всегда мило улыбается и выглядит абсолютно счастливой. На многих

снимках рядом муж – тот самый Станислав, лучший друг и партнёр Поклонского. Я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь найти недостатки, какие-то отклонения от нормы или что-то, что может сподвигнуть женщину на измену с моим женихом. Но Стас красив, успешен и, по всему видно, уверен в себе. А ещё смотрит на неё так, что становится завидно, столько любви во взгляде.

Чего тебе, Анастасия, не хватает? Зачем тебе Лёня? Он же никто по сравнению с твоим мужем. У него денег на всех счетах едва ли больше, чем стоит твоя сумочка. Просто развлечение? Симпатичный молодой мужчина, которым можно вертеть? Не понимаю... Или между ними настоящая любовь, страсть, лишенная логики и чувства самосохранения?

И кто, чёрт возьми, отправил мне фотографии? Кому это было нужно?

Я мучаю себя, разглядывая фотки Рыжей. Она... красивая. Есть в ней что-то головокружительное. Встаю у зеркала, кручусь вокруг оси, рассматриваю себя в малейших деталях. Неужели я хуже? Что заставило Лёню изменить мне с ней? Её сделанная у хирурга грудь? Пухлые губы? Упругий зад? Большие деньги? Или пост её мужа, вокруг которого столько вился бывший, мечтая о повышении?

Может быть, Лёня эту Настю использовал? Решил пробраться в большие начальники через постель? Тогда он совсем идиот.

Когда на глазах выступают слёзы, а сравнения с Рыжей практически загнали в депрессию, я растираю лицо ладонями и ухожу прочь от зеркала. Бросив раскрытый ноут на кровати, достаю шампанское из ведёрка, лёд в котором давно превратился в тёплую воду. Мне всего лишь нужно хоть какую-то опору под ногами почувствовать, даже если это плохо закончится.

Меня хватает на несколько глотков, и остатки алкоголя выливаю в мраморную раковину. Дорогой напиток струится по прохладным бортикам, пока не исчезает в сливном отверстии.

Пошли вон из моей головы, мысли о Лёне, Рыжей и всем этом бедламе. Я умываюсь и обещаю, что отныне буду самой счастливой. Чего бы мне это ни стоило.

Раздаётся деликатный стук в дверь, и вежливая горничная приносит идеально отутюженное платье. Долго подбираю к нему красивое бельё, наношу макияж и пока крашу глаза, взгляд невольно скользит по стартовой странице браузера. Она пестрит часто меняющимися местными новостями вперемешку с вестями с политических фронтов и сводками криминальной хроники.

Вот убили какого-то Колю Лютого, крупный банк повысил проценты по вкладам, а модный среди подростков певец Вася Филин выпустил новый бомбический трек.

Взгляд цепляется за один из заголовков, и я чуть было не прокалываю щёткой туши глаз, до того неожиданно на меня выпрыгивает скандальная новость. Присматриваюсь и читаю ещё несколько раз:

“Развод года!

Согласно информации из проверенных источников, пожелавших остаться анонимными, бизнесмен Дмитрий Поклонский, глава холдинга “Мегастрой”, обсуждает с адвокатами детали развода со своей супругой Юлией. Напоминаем, их брак длится двадцать лет, и до недавнего времени семья Поклонских казалась идеальной.

Но как дела обстоят на самом деле? Может быть, за дверьми шикарного особняка Поклонских давно назревала беда? Вопросов больше, чем ответов, но мы со своей стороны обещаем докопаться до сути! Будем держать вас в курсе событий, дорогие читатели! Ведь мы самые честные хроникёры”.

Сайт жёлтый, но это неважно. Важнее другое: неужели и правда разводится? Стали бы эти “самые честные хроникёры” публиковать о Поклонском подобные небылицы, не будь дыма без огня?

И самое главное – почему меня это волнует? Какое мне дело до Поклонского и его личной жизни? Вот только что-то в груди скребётся, словно бы радость. Противно от этого, потому что жена Дмитрия, возможно, страдает так же, как страдала я, узнав об измене Леонида. Вдруг она всё ещё любит мужа и теперь плачет?

“Ты слишком много думаешь о других”, – любит повторять Мара, и я не могу с ней поспорить, даже мысленно. Вот и сейчас переживаю о незнакомой мне женщине...

Перед выходом придирчиво осматриваю себя в зеркале. Поправляю причёску, ищу несуществующие складки на юбке, проверяю макияж и, удовлетворённо хмыкнув, подхватываю клатч. Щёлкает ключ-карта в замке, напоённый свежестью августовский вечер кружит голову без всякого алкоголя, а звучащая всё громче с каждым шагом музыка так и манит за собой.

Каблуки стучат по дорожке, я всё ближе к летней террасе, а там уже несколько десятков красиво одетых гостей танцуют ритуальный танец вокруг накрытых для фуршета столов. Проворные официанты разносят напитки, предлагают всем желающим освежиться. Я тоже принимаю бокал просто потому, что не знаю, куда деть руки, а ещё в этой толпе ни одного знакомого лица – так и не успела ни с кем познакомиться за первый день отпуска.

Но атмосфера царит непринуждённая, и уже через пять минут я оживлённо болтаю с симпатичной девушкой в броском красном платье, в котором она похожа на ожившее пламя. Мою новую знакомую зовут Ольга, ей двадцать девять и сюда она приехала с мужем, который, как на грех, подхватил желудочный грипп и теперь отлёживается в комнате.

Все эти подробности я узнаю за какие-то минуты, но болтливость Ольги не раздражает, даже очаровывает. Хочется улыбаться в ответ и нести какую-нибудь чепуху. Упорно обхожу в разговоре темы своего одиночества и изображаю из себя загадочную свободную даму.

– Мы на этот бал приезжаем каждый год вот уже пять лет подряд, – делится со мной Ольга. – После него бывают самые красивые фейерверки, даже в Китае таких не видела. Ты впервые здесь? О, это того стоит! Тебе несказанно повезло!

Ольга с восторгом рассказывает о развлечениях прошлых лет, а я слушаю, посматривая по сторонам. Воздух вокруг будто бы сгущается, и я уже знаю это ощущение – где-то рядом Поклонский. Наверняка ходит и всё-всё контролирует.

– Ты прости, мне позвонить надо, узнать как там мой благоверный, – Ольга узкой ладонью касается моего плеча и улыбается. – Ещё встретимся.

Отдав пустой бокал официанту, она яркой вспышкой растворяется в толпе, а я решаю прогуляться.

Территория “Парадиза” огромная: я брожу двадцать минут и даже половины не посмотрела. Слева раскинулись шатры, внутри которых расставлены яркие низкие диванчики и играет тихая восточная музыка.

Дальше находится открытый танцпол, и я вливаюсь в весёлую толпу, кружусь и плавно двигаюсь, закрыв глаза. Вечер действительно волшебный, и хочется продлить ощущение головокружительной беспечности.

Какой-то парень, подмигнув меня, увлекает за собой в нечто, напоминающее хоровод. Кружимся, весело смеясь прямо в небо, и за пятнадцать минут я перетанцовываю, наверное, со всеми, кто под руку подворачивается. И нет в этом никакой пошлости или жалких попыток выкинуть бывшего из головы, забыться в чужих объятиях. Есть лишь шальная радость, разделённая на всех. Я впервые за истекшую неделю действительно рада просто жить, и нахожу тысячу поводов улыбаться.

Когда гудящие ноги молят о пощаде, я снимаю обувь и, подхватив туфли, ухожу вдаль по шелковистому газону. Чувство свободы пьянит, пусть в ней отчётливо чувствуется растерянность и затаённая горечь.

Если пройти прямо до небольшого прудика, можно покормить невероятно грациозных чёрных лебедей. Бросаю на землю туфли, беру из рук зрителя крошечную чашку со специальным кормом, щедро кормлю птиц. Засматриваюсь на них, не замечая стремительного полёта времени. Вокруг тихо и удивительно безлюдно: благородные птички мало кого волнуют, а я могу смотреть на них часами.

– Здравствуйте, Дмитрий Николаевич, – зритель кивает и молча покидает свой пост.

Мы остаёмся только вдвоём. Удивительная интимность на краю чужого веселья.

– Долг вынуждает спросить, как тебе праздник, – раздаётся низкий голос за спиной, и я вдруг понимаю, что начинаю привыкать к Поклонскому.

– Только из-за долга спрашиваешь? – не оборачиваюсь, потому что не могу отвести взгляда от скользящих по водной глади лебедей.

– А ты бы хотела, чтобы у меня были другие причины интересоваться? – в голосе сквозит усмешка, но не колючая, добрая и мягкая.

– Вовсе нет, – дёргаю плечом. – Ты следил, как я танцевала?

– Смотрел, конечно. Разве я мог упустить шанс посмотреть на тебя, когда ты так весело улыбаешься и так громко смеёшься?

Спину обжигает теплом – Поклонский близко. Слишком жарко рядом с ним, он как печка раскалённая. И тише становится, и ничего, кроме редких всплесков тёмной воды не слышно.

– Знаешь, так забавно получилось, – говорю, глядя куда-то в небо. – Я замуж хотела, медовый месяц красивый, детей. Троих обязательно! Мальчиков. А вместо этого стою у пруда и кормлю птиц. Напиться не получается, забыть не выходит, как бы я себя не уговаривала.

– Ты любишь его?

– Я люблю свои воспоминания, какие-то глупые мелочи. Но в тот вечер, когда Лёня... в общем, в тот вечер я поняла, что совсем не знаю его. Это какой-то чужой не самый умный мужчина, ещё и жестокий. Спасибо...

– За что? – Дмитрий снова накидывает мне на плечи свой пиджак, и я благодарно кутаюсь в него.

– За то, что пришёл тогда. Что вернулся. Иначе... а ещё за то, что укрыл меня и ключи на столике в прихожей оставил.

– У меня не было цели врываться в твою квартиру, но я вернулся, не смог уехать, зная твою ситуацию. Захотел всё проверить.

– Проконтролировать? – улыбаюсь.

- Да, - и вдруг просит: - Посмотри на меня.

Поклонский не пытается меня коснуться и молча ждёт моего решения.

Я всего лишь голову поворачиваю, а колкий тёмный взгляд притягивает и не даёт пошевелиться.

- Всё у тебя ещё будет, - будто бы обещает. - И муж, и дети. Трое или пятеро, а может быть, один. Собака или кот, карьера или семья. Если сама этого захочешь, всё у тебя получится.

Его слова меня внезапно трогают. Отворачиваюсь, чтобы не заметил закипающие на веках слёзы.

- Почему ты разводишься?

- Потому что, - отвечает нехотя. - Варя, не придумывай себе лишнего, я уйду от жены не потому, что у меня кризис среднего возраста, тянет на молодых или я просто кобель проклятый. И не потому, что она постарела. Всё сложнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/manilo_lina/boss-moego-byvshego

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)